

Светлана Бестужева-Жуковская

---

*Зарубежная
история
в лицах*

Светлана Игоревна Бестужева-Лада
Зарубежная история в лицах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17035457

ISBN 9785447444273

Аннотация

Книга представляет собой сборник исторических миниатюр о знаковых личностях зарубежной истории: от античности до нашего времени. Может быть использована как пособие в качестве внеклассного чтения для старшеклассников.

Содержание

Нефертити	5
Сапфо Лесбосская	10
Легенда красоты или красота легенды	14
Мессалина	21
Звезда угасающей античности	25
Августейшая лицедейка	29
Элоиза и Абеляр	34
«Королева божьим гневом...»	37
Изабелла католическая королева	46
Роксолана	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Зарубежная история в лицах

Светлана Бестужева-Лада

© Светлана Бестужева-Лада, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нефертити

Если посмотреть на Египет с высоты птичьего полета, то почти в самом центре страны, в 300 километрах южнее Каира, можно увидеть маленькую арабскую деревню под названием эль-Амарна. Именно здесь изъеденные временем скалы, вплотную подойдя к реке, начинают затем отступать, образуя почти правильный полукруг. Пески, остатки фундаментов древних сооружений и зелень пальмовых рощ – так выглядит сейчас когда-то роскошный древнеегипетский город Ахетатон, в котором царствовала одна из известнейших женщин мира.

Нефертити, имя которой в переводе означает «Пришедшая красавица», не была сестрой своего супруга, фараона Аменхотепа IV, хотя эта версия почему-то получила очень широкое распространение. Прекрасная египтянка происходила из семьи родственников царицы Тейе – она была дочерью провинциального жреца. И хотя по тем временам Нефертити получила блестящее образование в специальной школе, такое родство раздражало гордую царицу и мать Нефертити во многих официальных документах именовалась ее кормилицей.

Но редкая красота провинциальной девушки растопила сердце наследника престола, и Нефертити стала его супругой. Что пришлось вытерпеть юной женщине, пока была жива ее свекровь – «великая царская супруга Тейя», можно только предположить. О внешности Тейи ничего не известно, но ее неординарный ум, властность и мудрость которой были притчей во языцех на всем древнем Востоке.

В одном из дипломатических писем, написанном клинописью на глиняной табличке царем государства Митанни, располагавшегося в Малой Азии, фараону Аменхотепу IV, говорится:

«Все, о чем говорил я твоему отцу, известно матери твоей Тейе. Никто другой не знает этого, и ты можешь об этом спросить свою мать...».

К одному из праздников «фараон-солнце» Аменхотеп III подарил жене воистину царский подарок: потрясающую своей красотой и богатством летнюю резиденцию – дворец Малькатта, рядом с которым находилось огромное искусственное озеро, засаженное лотосами, с ладьей для прогулок царицы. Удостаивавшаяся почестей, недоступных другим египетским царицам, Тейе была обожествлена еще при жизни и оказывала колоссальное влияние на супруга и детей, особенно на наследника престола.

Склонилась перед волей царицы и Нефертити, старавшаяся как можно реже показываться на людях: современники почитали ее за красоту как живую богиню.

Юность супруги наследника прошла в Фивах – блестящей столице Египта эпохи Нового царства (XVI-XI вв. до н.э.) Грандиозные храмы богов соседствовали здесь с роскошными дворцами, домами знати, садами редкостных деревьев и искусственными озерами. В небо вонзались золоченые иглы обелисков, вершины расписных башен-пилонов и колоссальные статуи царей. Сквозь пышную зелень тamarисков, сикоморов и финиковых пальм проглядывали аллеи сфинксов выложенные бирюзово-зелеными фаянсовыми плитками и соединяющие храмы.

Египет был в апогее своего расцвета. Покоренные народы везли сюда, в Фивы, бесчисленные сосуды с вином, кожи, столь любимый египтянами лазурит и всякие редкие диковины. Из далеких областей Африки шли караваны, нагруженные слоновой костью, черным деревом, благовониями и золотом бесчисленным золотом, которым так славился Египет в древности. В обиходе были тончайшие ткани из гофрированного льна, пышные, потрясающие своим разнообразием парики, богатые украшения и дорогие умашения.

У всех египетских фараонов было несколько жен и бесчисленное число наложниц – Восток и тогда был Востоком. Но «гарема» в нашем понимании в Египте никогда не существовало: младшие царицы жили в отдельных резиденциях рядом с дворцом, удобствами наложниц никто особо не занимался. Те же, кого тексты именуют «Владычица Верхнего и Нижнего Египта», «великая супруга царская», «супруга Бога», «украшение царя», прежде всего были верховными жрицами, которые вместе с царем участвовали в храмовых службах и ритуалах и своими действиями поддерживали Маат – мировую гармонию.

Для древних египтян каждое новое утро – это повторение изначального момента сотворения вселенной Богом. Задача царицы, участвующей в богослужении, – умиротворить и умиловать божество красотой своего голоса, неповторимым очарованием своего облика, звучанием систра – священного музыкального инструмента Недосыгаемый для большинства смертных женщин статус «великой супруги царской», обладавшей большой политической властью, основывался именно на религиозных устоях. Рождение же детей было делом второстепенным, с ним прекрасно справлялись младшие царицы и наложницы.

Тейя стала исключением – она была так близка своему мужу, что делила с ним ложе долгие годы и родила ему нескольких детей. До зрелых лет, правда, дожил только старший сын, но и в этом жрецы усмотрели промысел Неба. О том, насколько неправильно истолковали они этот промысел, им стало известно значительно позже.

Аменхотеп IV взошел на трон в 1424 году до нашей эры. И... затеял религиозную реформу – смену богов, вещь в Египте неслыханную.

Всеми почитаемый бог Амон, поклонение которому все больше укрепляло власть жрецов, был волею фараона заменен на другого бога, бога солнца – Атона. Атон – «видимый солнечный диск», изображался в виде солнечного диска с лучами-ладонями, дарующими благо людям. Реформы фараону удалось, по крайней мере на период его царствования. Была основана новая столица, возведено много новых храмов и дворцов. Вместе со старинными религиозными устоями исчезли и канонические правила древнеегипетского искусства. Пройдя через годы утрированного реализма, искусство времени Эхнатона и Нефертити родило те шедевры, которые были обнаружены археологами тысячелетия спустя...

Зимой 1912 года германский археолог Людвиг Борхардт приступил к раскопкам остатков очередного дома разрушенного городища. Вскоре археологам стало ясно, что они обнаружили скульптурную мастерскую. Незавершенные статуи, гипсовые маски и скопления камней различных пород – все это ясно определяло профессию владельца обширной усадьбы. И среди находок был выполненный из известняка и раскрашенный бюст женщины в натуральную величину.

Телесный цвет затылка, красные ленты, спускающиеся вдоль шеи, синий головной убор. Нежный овал лица, красиво очерченный небольшой рот, прямой нос, прекрасные миндалевидные глаза, слегка прикрытые широкими тяжелыми веками. В правом глазу сохранилась вставка из горного хрусталя со зрачком из черного дерева. Высокий синий парик обвит золотой повязкой, украшенной самоцветами...

Просвещенный мир ахнул – миру явилась красавица, три тысячи лет проведшая во мраке забвения. Красота Нефертити оказалась бессмертной. Миллионы женщин завидовали ей, миллионы мужчин о ней грезили. Увы, они не знали, что за бессмертие расплачиваются еще при жизни, причем порой платят непомерную цену.

Вместе со своим супругом Нефертити правила Египтом около 20 лет. Те самые два десятилетия, которые ознаменовались небывалой для всей древневосточной культуры религиозной революцией, поколебавшей устои древнеегипетской сакральной традиции и оставившей очень неоднозначный след в истории страны.

Нефертити играла важную роль в событиях своего времени Она была живым воплощением животворящей силы солнца, дарующей жизнь В больших храмах бога Атона в Фивах –

ей возносили молитвы, ни одно из храмовых действий не могло происходить без нее – залога плодородия и процветания всей страны.

«Она проводит Атона на покой сладостным голосом и прекрасными руками с систрами, – говорится о ней в надписях гробниц вельмож современников – При звуке голоса ее все ликуют».

Запретив культы традиционных богов и прежде всего вселенского Амона – владыки Фив, Аменхотеп IV, сменивший свое имя на Эхнатон («Действенный дух Атона»), и Нефертити основывают свою новую столицу – Ахетатон. Объем работ был огромен. Одновременно возводились храмы, дворцы, здания официальных учреждений, склады, дома знати жилища и мастерские. Выбитые в скальном грунте ямы наполняли почвой, а затем в них сажали специально привезенные деревья – ждать, пока они вырастут здесь, было некогда. Слово по волшебству среди скал и песка вырастали сады, плескалась вода в прудах и озерах, поднимались ввысь стены царского дворца подчиняясь царскому приказу. Здесь жила Нефертити.

Обе части грандиозного дворца были обнесены кирпичной стеной и соединялись монументальным крытым мостом, перекинутым через дорогу. К жилым зданиям царской семьи примыкал большой сад с озером и павильонами. Стены были украшены росписями гроздьев лотосов и папирусов, вылетающие из водоемов болотные птицы, сцены жизни Эхнатона, Нефертити и их шести дочерей. Роспись полов имитировала водоемы с плавающими рыбками и порхающими вокруг птицами. Широко применялась позолота, инкрустация плитками фаянса и полудрагоценными камнями.

Никогда еще в египетском искусстве не появлялись произведения, столь живо демонстрирующие чувства царственных супругов Нефертити с супругом сидят с детьми, Нефертити болтает ногами, взобравшись мужу на колени, и придерживает рукой маленькую дочь. На каждой сцене обязательно присутствует Атон – солнечный диск с многочисленными руками, протягивающими царственной чете символы вечной жизни.

Наряду с интимными сценами в дворцовых садах, в гробницах вельмож Ахетатона сохранились и другие эпизоды семейной жизни царя и царицы – уникальные изображения царских обедов и ужинов. На стульях с львиными лапами сидят Эхнатон и Нефертити, рядом – приехавшая с визитом вдовствующая царица-мать Тейе. Около пирующих стоят украшенные цветами лотосов столики с яствами, сосуды с вином. Пирующих развлекает женский хор и музыканты, суетятся слуги. Три старшие дочери – Меритатон, Макетатон и Анхесенпа-атон – присутствуют на торжестве.

Щедрость таланта, с которой художники выполнили эти удивительные рельефные композиции, дает нам уникальную возможность хотя бы на мгновение почувствовать реальную атмосферу, окружавшую царя и царицу.

Однако сама религиозная реформа – суть жизни солнечной четы – простыми египтянами принята не была. Поправший устои предков царь оказался в изоляции, окруженный восхвалениями и лестью «новой знати» – вельмож, обязанных реформатору своим фантастическим возвышением. Порой из самых низших слоев общества Древняя религия, всегда являвшаяся основой египетской цивилизации, продолжала существовать в подполье. Даже в столице, в своих домах простые горожане продолжали почитать Исиду, Беса, Таурт – хранителей дома, материнства, семейного благополучия.

Да и личное счастье супругов продолжалось недолго. На 12-м году правления Эхнатона и Нефертити скончалась принцесса Макетатон. На стене усыпальницы, приготовленной в скалах для царской семьи, изображено отчаяние супругов. На ложе распростерта мертвая девочка. Рядом замерли родители – отец с заломленной над головой рукой, а другой рукой схвативший за руку жену, и мать, прижавшая руку к лицу, словно еще не верящая своей утрате. Вскоре скончалась и царица-мать Тейе.

Смерть Макетатон, по-видимому, стала переломным моментом в жизни Нефертити. У той, кого современники называли «красавицей, прекрасной в диадеме с двумя перьями, владычицей радости, полной восхвалений преисполненной красотами», появилась соперница. И не просто временная прихоть владыки, а женщина, действительно вытеснившая супругу из его сердца – Кийа.

Все внимание Эхнатона было сосредоточено на ней. Еще при жизни его отца в Египет в качестве залога политической стабильности в межгосударственных отношениях прибыла митаннийская принцесса Тадухеппа. Именно для нее, принявшей по традиции египетское имя, Эхнатоном был выстроен роскошный загородный дворцовый комплекс Мару-Атон. Но главное – она родила фараону двух сыновей, которые впоследствии женились на своих старших сводных сестрах.

Вот почему на изображениях пиров Кийа, практически ставшая соправительницей, иногда показана в короне царя!

Между тем Нефертити оказалась в опале и провела остаток дней в одном из второстепенных дворцов столицы. Одна из обнаруженных статуй показывает Нефертити на склоне лет. Перед нами то же лицо, все еще прекрасное, но время уже наложило на него свой отпечаток, оставив следы утомленности годами, усталости, даже надломленности. Царица одета в облегчающее платье, на ногах сандалии. Утратившая свежесть молодости фигура принадлежит уже не ослепительной красавице, а матери шести дочерей, которая многое видела и испытала в своей жизни.

Однако и триумф Кийи, родившей царю сыновей, был недолог. Она исчезла на 16-м году правления супруга. Придя к власти, старшая дочь Нефертити, Меритатон, уничтожила не только изображения, но и практически все упоминания о ненавистной сопернице своей матери, заменив их своими собственными изображениями и именами. С точки зрения древнеегипетской традиции, подобный акт был самым страшным проклятием, какое можно было осуществить: не только имя умершего стиралось из памяти потомков, но и его душа лишалась благополучия в жизни загробной.

Впрочем, уничтожением изображений и надписей дело не ограничилось. В начале прошлого века в Фивах, в Долине царей, некрополе, где нашли свой последний приют величайшие владыки Египта, было сделано загадочное открытие. Каменные ступеньки вели в крохотную гробницу. Женский саркофаг, валявшийся на полу грубо вырубленной в скале комнаты, был частично открыт с одного бока. Маска саркофага была уничтожена, имена в надписях на нем – вырезаны. Рядом с саркофагом блистали золотом остатки погребального паланкина царицы Тейе, матери Эхнатона.

А внутри саркофага находилась... мумия молодого мужчины. Впоследствии удалось установить, что это было тело Сменхкара, мужа старшей дочери Нефертити, который унаследовал трон Эхнатона и скончался всего год спустя при загадочных обстоятельствах. Умерла и его супруга. Шесть лет Египтом правила третья дочь Нефертити, вышедшая замуж за 12-летнего юношу Тутанхамона: то ли одного из своих дядей, побочного сына Аменхотепа III, то ли сводного брата – побочного сына Эхнатона. За шесть лет правления «детской четы» от нового религиозного культа ничего не осталось – прежние верования властно и прочно заняли свои позиции.

Тутанхамон, умерший 18-ти лет от роду, стал одним из самых известных владык Древнего Египта благодаря тому обстоятельству, что его гробница оказалась единственным царским погребением, дошедшим до нас не разграбленным. Считается, что у знаменитого Сфинкса – тоже лицо Тутанхамона, но это не доказано.

Престол юного фараона унаследовал... отец Нефертити, занимавший в это время важнейшие государственные посты. А на смену ему явилась уже совсем другая династия.

Изображения Нефертити, от молодой девушки до зрелой, уставшей женщины, к счастью, уцелели – не только барельефные, но и скульптурные. Она действительно была прекрасна всю свою жизнь.

С возрастом печаль окутала ее, молодость проходила, а с нею увядала и красота. Но она не хотела, чтобы главная ее гордость и достоинство ушли. Царица решила во чтобы то ни стало сохранить красоту и всеми возможными способами пыталась это сделать. Она поддерживала слухи, что она все так же неотразима, как и прежде. По ее настоянию слагались стихи и песни, ваялись скульптуры, которые напоминали ей и другим о том, как она прекрасна.

Нефертити свою жизненную силу обратила в тщеславие, желая, чтобы ее запомнили, делая упор на свою исключительность. Энергия перестала быть искрящейся и живой.

Неизвестно, как она закончила свои дни. Ее мумия не найдена. По-прежнему не обнаружено место погребения великой царицы древности. Известно только, что по египетским понятиям, прекрасная царица дожила до глубокой старости – почти до сорока лет.

Воистину, все в этом мире относительно!

Сапфо Лесбосская

Те, кто раз и навсегда усвоил, что «лесбиянка» – это представительница сексуального меньшинства, могут дальше не читать. Если не хотят, конечно, узнать, откуда вообще возникло такое название, и почему женщина, не имевшая никакого отношения к однополый любви, стала ее символом.

С незапамятных времен греческие племена осели на солнечных берегах Эгейского моря. Их богатые поселения росли как на побережье собственно Греции, так и на побережье Малой Азии. Естественным мостом между этими двумя неблизкими для людей того времени побережьями стали 483 острова, равномерно заполнившие морские просторы. Греческие мореплаватели двигались вдоль них, не теряя никогда землю из виду.

Среди этих многочисленных островов есть остров Лесбос. Он известен своим выгодным местоположением на торговых путях, здоровым климатом и плодородными почвами. Древние относили его к числу пяти островов, носивших название «блаженных», или «счастливых». Они изобиловали хлебом, елеем, вином. Горные хребты, богатые превосходным мрамором, вздымаясь из моря, как бы держат в объятьях два обширных лазурных залива. Склоны гор густо покрыты хвойным лесом, а в долинах растут мирты, фиги, виноград, оливы, дающие хорошее масло. Вино этого острова пользовалось у греков и римлян большой славой.

На этой щедрой земле жили представители эолийского племени, женщины которого славились особой красотой. Уже Гомер называет лесбиянок «красивейшими женщинами Эллады». Так, чтобы умиловать Ахиллеса, вождь греков Агамемнон предлагает ему в дар семь лесбосских девиц, «красотой победивших всех жен земнородных». На Лесбосе высоко ценилась человеческая красота. Победители специальных состязаний среди девушек награждались призами.

Так что конкурсы красоты – это не современное изобретение, если кто не в курсе, они появились на острове Лесбос и тоже не имеют отношения к однополый любви. И еще одно замечание: людям, у которых так много всего прекрасного, завидовали, завидуют и будут завидовать. Не потому ли все прежние достоинства Лесбоса как-то подзабылись, а его название стало именем нарицательным?

На этом благодатном острове во второй половине VII века до нашей эры родилась Сапфо – известнейшая лирическая поэтесса древности. Точное имя поэтессы – Псапфо, что означает «ясная», «светлая». Несмотря на то, что ее часто причисляют к числу поэтических гениев всех времен и народов, до нас дошли лишь отрывочные сведения о ее жизни и творческой деятельности. Но и здесь твердо установленные исторические факты соседствуют с большим количеством легенд и вымыслов.

На какие достоверные данные мы можем опираться, говоря о Сапфо? Во-первых, мы знаем, где она родилась. Это приморский городок Эрес на Лесбосе. Но большую часть сознательной жизни она прожила в главном городе острова – Митилене. Именно здесь развивался и расцветал ее поэтический талант. В семье было кроме нее еще три брата; о двух из них довольно подробно повествует предание. Семья была богатая и аристократическая.

Сапфо, достигнув совершеннолетия, вышла замуж за богача Керкола, но вскоре овдовела. От этого брака она имела дочь по имени Kleida, которую горячо любила и которую, как она говорила, «не променяла бы... на все сокровища земли лидийской». Оставшись молодой богатой вдовой, Сапфо собрала вокруг себя тесный кружок из даровитейших девушек своего отечества. Ее дом превратился в «жилище муз».

Наконец, нам точно известно, что в силу политических столкновений на родине она вынуждена была оставить Лесбос и бежать в Сицилию вместе с поэтом Алкеем. В изгнании Сапфо находилась с 595 года до н. э. вплоть до 580 года. Умерла она в преклонных летах.

Практически это все сведения о жизни знаменитой лесбосской поэтессы. Правда, к этому надо прибавить воспоминания о ее творчестве современников-греков, в распоряжении которых имелось гораздо большее количество ее стихов, чем у нас. Так, Солон – знаменитый реформатор VI века до н. э., услышав стихотворения Сапфо, заявил, что не хочет умирать раньше, чем выучит эти стихотворения наизусть. Великий греческий философ Платон, живший в конце V – первой половине IV века до н. э., называет ее «прекрасной». Это о ней он написал:

*«Девять есть муз, говорят, – но число это слишком уж мало:
Сапфо, лесбиянка, ведь стала десятой среди них»*

Греческие поэты и писатели называли ее «лесбосским соловьем», «досточтимой», «божественной», «целомудренной», «непорочной» или «среди муз бессмертных смертной жизни».

Другие находили, что слова Сапфо «поистине смешаны огнем», что с ней не может сравниться ни одна другая женщина. Ее друг Алкей обращается к ней с такими словами: «Сапфо фиалкокудряя, чистая, с улыбкою нежной...» Города ставили ей статуи. Древние художники не раз воспроизводили ее бюст из мрамора, рисовали кистью, вырезали на геммах. На ее могиле поэт начертал такие слова:

«Пепел лишь Сапфо да кости, да имя закрыто землею, Песни ж ее вдохновенной бессмертие служит уделом».

Однако со временем, особенно начиная с конца античности, наряду с единогласными восторженными отзывами о ней и ее поэзии стали появляться другие мнения. Сапфо стали называть куртизанкой или даже главой куртизанок, вульгарной любовницей и наставницей в распутстве. Особенно это любил утверждать римский поэт Овидий, который, собственно, и создал совершенно новый, дошедший до нас образ поэтессы.

Занятно, правда, что современники, точнее, ближайшие потомки сложили собственную легенду о «моральном облике» Сапфо. Рассказывали, что в 60 лет она страстно влюбилась в холодного красавца Феона, который был моложе ее лет на сорок. Когда тот не ответил ей взаимностью, Сапфо покончила жизнь самоубийством: в отчаянии бросилась с Левкадийской скалы в волны Ионического моря.

Красиво, конечно, но о роковом Феоне ничего не знали современники поэтессы: Геродот и Алкей, земляк и современник Сапфо.

Более поздние мифы о Сапфо базировались, в основном, на том, что она была куртизанкой, продавала свою любовь за деньги, и испытывала влечение к представительницам своего пола. Все, конечно, случается, но...

Греческая история не знает фактов, и это достоверно установлено, чтобы куртизанками становились женщины знатных семейств, да еще занимались бы этим у себя дома. Куртизанки происходили из низших слоев населения или даже принадлежали к бесправным рабыням. Сапфо родилась в знатной семье, о чем недвусмысленно говорит история ее рода.

Зато очень мало кому известно, что Сапфо была главой музыкальной и поэтической школы, которая собирала вокруг себя на Лесбосе девушек самого благородного происхождения. На острове Лесбос существовала особая женская школа изящных искусств под руководством Сапфо. Ее поэтический дар и слава ее подопечных были известны всему тогдашнему культурному миру.

Отовсюду из Греции, Малой Азии, с островов Эгейского моря к ней стекались девушки для обучения игре на лире, пению, стихосложению, танцам. Здесь они получали музыкальное и поэтическое образование. Представители знатнейших семейств посылали сюда своих дочерей, чтобы обучить их не только изящным искусствам, но и хорошим манерам.

Занятиями и публичными выступлениями руководила Сапфо. Живая, веселая, отзывчивая и чистосердечная, вдохновенная поэтесса, безупречный музыкант и новатор в музыке, она сумела создать школу, память о которой сохранилась надолго.

Общение Сапфо с ее подругами-ученицами дарило ей величайшую радость и любовь, и последние питали такие же искренние чувства к наставнице. Свое отношение к миру, к своим ученицам, ко всем окружающим поэтесса выражала дивными стихами.

*Мнится мне: как боги, блажен и волен,
Кто с тобой сидит, говорит с тобою,
Милой в очи смотрит и слышит близко
Улыбчивых уст дыханье
Ловит он... А я, – чуть вдали завяжу
Образ твой, – я сердца не чую в персях,
Уст не раскрыть мне!*

К сожалению, в большинстве своем они до нас не дошли, затерявшись в глубине столетий. Из ее 9 книг нам известны лишь сотня с небольшим фрагментом в случайных цитатах. Самый большой из них состоит из 28 стихов, другой – из 17.

Пари держу, что практически никто не читал стихов Сафо, однако очень многие с потрясающей уверенностью заявляли, что поэтесса воспевала однополую любовь. Древнегреческий язык давно перестал быть распространенным – поди, проверь.

Ее стихи отличаются тонким выбором слов, смелым оборотом мысли, изяществом образов, тонким ритмом, блестящими эпитетами гомеровского стиля. Среди дошедших до нас стихов есть яркая и вместе с тем простая ода, посвященная Афродите.

*Радужнопрестольная Афродита!
Зевса дочь бессмертная, кознодейка!
Сердца не круши мне тоской-кручиной!
Сжался, богиня!
Ринься с высей горних, – как прежде было:
Голос мой ты слышала издали:
Я звала – ко мне ты сошла, покинув
Отчее небо!
Стала на червонную колесницу;
Словно вихрь, несла ее быстрым летом...*

Сапфо рисует томление любви, просит богиню не терзать ее сердце любовными муками, сойти к ней на своей колеснице и исцелить ее истерзанную душу. Пальчиком покажите, где здесь об однополой любви? О предмете любви не говорится ничего, но свято место, понятное дело, пусто не бывает. Вот и заполнили... с легкой руки Овидия, который, будучи сам достаточно талантливым поэтом, конкурентов не терпел и в выборе средств не стеснялся.

За что, как сказал Пушкин,

«Страдальцем кончил он

*Свой век блестящий и мятежный
В изгнании, в глуши степей,
Вдали Италии своей...»*

А Сафо? А что Сафо? Красивая, богатая, талантливая, женским хором руководит. Типичная лесбиянка, с какой стороны ни посмотри. Свечку, правда, никто не держал, но это уже такие мелочи...

Легенда красоты или красота легенды

Трудно найти в истории женщину, с чьим именем было бы связано больше легенд и вымыслов. Еще труднее найти исторический персонаж, который был бы запечатлен на стольких полотнах, стал бы героем стольких романов, пьес, стихов, поэм, фильмов. Когда называют имя этой женщины, то сразу возникает ассоциация с чем-то невыразимо-прекрасным, почти божественным.

Речь идет о Клеопатре – последней представительнице древнейшего греческого рода Птолемеев, много веков правившего Египтом. Она была возлюбленной двух великих современников – Цезаря и Марка Антония. Она потрясла Рим роскошью своего окружения, одежды, драгоценностей. И... она вовсе не была красавицей в общепринятом представлении, не продавала свои ночи за жизнь любовника и не пила жемчужин, растворенных в уксусе. У нее были совсем другие заботы.

При разделе империи Александра Македонского Египет достался Птолемею I Сотеру («Спасителю»), 305—282 до н. э.), другу и соратнику царя. Осторожному и дальновидному Птолемею удалось привезти в Египет тело Александра, которое было погребено в святилище Аммона в оазисе Сива, что поставило Египет на особое место по сравнению с царствами остальных соратников Александра. К тому же Птолемей короновался не царем, как было принято в Греции, а фараоном под именем Птолемея Первого.

Триста лет после этого трон переходил по наследству от отца к сыну, но привнесенные греками традиции размывались египетскими обычаями и церемониями, жреческая каста вернула себе почти прежнюю силу и Египет получил вторую жизнь: без сооружения пирамид и сфинксов, но со знаменитой Александрийской библиотекой, Фаросским маяком, пышными храмами в честь новых богов – Сераписа и Арсинои – и прежней египетской богини Исиды. Птолемей II повелел перевезти прах Александра Великого из оазиса Сива в Александрию, где он был захоронен в гробнице в отделении царского дворца Сема.

К сожалению, Птолемеи заимствовали и традицию внутрисемейных браков: фараон мог жениться только на родной сестре, и только дети от этого брака могли унаследовать трон. Это не могло не привести к постепенному вырождению династии – и привело. А появление на другом берегу Средиземного моря нового государства – Рима – и новой цивилизации ускорило процесс гибели Египта.

Клеопатра родилась в 69 году до Рождества Христова и была предпоследним ребенком в семье, поэтому никак не могла претендовать на трон. Ее официальное имя было Клеопатра VII, и у ее отца, Птолемея XII, было еще несколько детей, в том числе старшие сын и дочь, которые по обычаям Египта сочетались браком и должны были унаследовать трон отца.

Но наследники чем-то не угодили фараону и по его приказу были обезглавлены, следующая же по старшинству дочь, имя которой также осталось неизвестным, скончалась от какой-то болезни, не достигнув совершеннолетия. Старшим ребенком в семье и претендентом на трон становится Клеопатра, которой предписывается выйти замуж за младшего брата.

Несомненно, на неё произвела сильное впечатление смута 58—55 гг. до н. э., когда её отец Птолемей XII превратился фактически в марионетку, удерживающуюся у власти лишь благодаря римскому вооруженному присутствию. Неприятности царствования отца преподнесли урок будущей царице, которая использовала все средства, чтобы избавиться от противников и от всех, стоящих на её пути. Она взошла на трон в 51 году до н.э. вместе со своим мужем-братом – Птолемеем XIII – вялым и безвольным ребенком, что тут же постарались использовать в своих интересах высшие жрецы.

Клеопатра оказалась в мире сложной международной политики и придворных интриг, к которым ее никто и никогда не готовил. И что самое неприятное: основные противники (они же советники мужа-брата) были евнухами, руководил которыми некий Потин. Царица, уже давно понявшая как можно целенаправленно использовать женские чары, оказалась против них бессильной. Правда, ненадолго.

Гней, сын одного из правителей Римской республики Помпея, евнухом не был, поэтому очаровать молодого человека оказалось совсем пустяковым делом. Любовник пообещал ей военную поддержку и наверняка оказал бы ее. Если бы... в самом Риме не случилось переворота: Помпей был свергнут и вынужден был бежать, а к власти пришел Гай Юлий Цезарь, который женщинами вообще интересовался постольку поскольку, предпочитая им войну и политику.

Клеопатре, как стороннице его противников, пришлось бежать в Сирию. По другой версии, ее пытался убить обладавший существенной силой Потин, но юной царице удалось скрыться в каком-то пустынном оазисе. Для нее оставался только один путь во власть – через ложе самого Цезаря. Тем более, что победоносный и уже почти легендарный властитель Рима сам прибыл в Александрию.

Цезарь одержал верх над Помпеем в борьбе за верховную власть в Риме и Помпей бежал в Египет, надеясь найти помощь и поддержку у фараона Птолемея XIII, который, к тому же, задолжал Риму немалую сумму денег. Великий Помпей просчитался: молодой Птолемей, точнее, его советники во главе с Потиним, предпочли взять сторону Цезаря и отдали приказ об убийстве римлянина. Едва Помпей вступил на египетский берег, как был обезглавлен. Это и было исполнено на глазах у всего его окружения, едва Помпей ступил на египетскую землю.

Но египтяне просчитались. Цезарь, который в погоне за Помпеем высадился в Египте два дня спустя, всегда кичился своим благородством и справедливостью, он намеревался унижить давнего соперника ссылкой на какой-нибудь дальний остров или прибегнуть к помощи Сената и официально осудить «мятежника». И все его планы пошли прахом из-за того, что коронованный мальчишка послушался своих идиотов-советников и Помпей был обезглавлен на морском берегу как какой-нибудь безвестный разбойник.

Цезарь не обрадовался – разгневался, приказал с почестями похоронить голову Помпея у стен Александрии, где воздвиг святилище Немезиды, и потребовал, чтобы в качестве «моральной компенсации» отрубили головы двум ближайшим советникам Птолемея. Их не стали бальзамировать и хоронить – вывесили на крючьях возле дворцовых ворот, ужаснув этим александрийцев.

Оказавшись в Египте, Цезарь попытался пополнить свою казну с помощью долгов, наделанных еще Птолемеем XII. Светоний писал, что «Цезарь не решился... превратить Египет в римскую провинцию, чтобы какой-нибудь предприимчивый наместник не сумел опереться на неё [провинцию с огромными ресурсами] для новых смут». Однако он заявил о намерении выступить арбитром в споре Птолемея XIII и его сестры-супруги Клеопатры. Последняя, кстати, больше импонировала Цезарю: он считал, что девчонка станет послушной марионеткой на троне.

Так что желание встретиться было взаимным, но инициативу проявила Клеопатра. Придумав для этого остроумный ход.

Верный слуга упаковал (в буквальном смысле слова) свою царицу в специальный мешок для постельного белья и доставил в Александрию прямо в покои к Цезарю. Ковер был придуман позже, как и многое другое – для красоты. Нельзя же было допустить, чтобы легендарную красавицу таскали туда-сюда в мешке сомнительной чистоты. Тем более, «ковер в подарок» охрана Цезаря обязательно бы проверила, а небольшой тюк никого особо

не заинтересовал. Клеопатра была миниатюрна: свернувшись калачиком, она вполне могла поместиться в наволочке для большой подушки.

И вот из этой наволочки к ногам великого римлянина упала шестнадцатилетняя прелестница. И это – страшный враг, которым пугали Цезаря его соратники? Это – противник, которого нужно немедленно уничтожить, иначе будет поздно? Цезарь лишь укрепился в своем решении, что эту прелестную куклу будет гораздо приятнее видеть на египетском престоле, нежели ее малолетнего брата-мужа в вечном окружении надутых евнухов. И Клеопатра стала царицей.

Хотя за трон все-таки пришлось побороться. Жители Александрии восстали против римлян, осадили царский дворец. В ходе сражений сгорела большая часть знаменитой Александрийской библиотеки, что произвело потрясающее впечатление на Клеопатру, выросшую в атмосфере греко-египетской утонченной культуры, и оставило почти равнодушным Цезаря, который трезво полагал, что цель оправдывает средства. Цезарю удалось взять верх и посадить Клеопатру на египетский трон, однако Египет сохранил независимость от Рима.

Пока римляне и объявленная ими царица Египта находились в осаде во дворце, Клеопатра стала любовницей Цезаря. Устоять перед египтянкой у него не было ни шанса: хотя Цезарь и был женат четырежды, в женщинах он не разбирался, женился всегда исключительно по политическим соображениям, а интимные удовольствия в список его приоритетов вообще никогда не входили. А тут – такое экзотическое чудо, а главное – деваться все равно некуда, пока осада не снята или не прорвана. И Клеопатра от слов перешла к делу, которое знала еще лучше, нежели риторике, благо времени у осажденных было в избытке.

Спас Цезаря и Клеопатру только подход подкреплений во главе с Митридатом Пергамским. Повстанцы были разбиты, царь Птолемей утонул при бегстве в Ниле. Осада с дворца была снята и Цезарь и Клеопатра предприняли совместное путешествие по Нилу на 400 кораблях, сопровождаемое шумными празднествами. Клеопатра, формально сочетавшаяся браком с другим своим малолетним братом Птолемеем XIV, фактически стала безраздельной правительницей Египта под римским протекторатом, гарантией которого являлись оставленные в Египте три легиона.

Вскоре после отбытия Цезаря в Рим у Клеопатры родился сын, которого назвали Птолемеем Цезарем, но который вошёл в историю под данным ему александрийцами прозвищем Цезарион. Утверждали, что он был очень похож на Цезаря и лицом, и осанкой. Цезарь признал мальчика своим законным сыном (кстати, это был его первенец, хотя знаменитому римлянину уже перевалило за пятьдесят). Наступил звездный час знаменитой египтянки.

Многие пытались понять, чем же Клеопатра так очаровывала мужчин. Плутарх, например, в «Сравнительных жизнеописаниях» писал с несвойственной ему восторженностью:

«Красота этой женщины была не тою, что зовётся несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение её отличалось неотразимой прелестью, и потому её облик, сочетавшийся с редкой убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки её голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад – на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами – эфиопами, троглодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами...».

И вот именно к этому периоду относятся легенды о знаменитых «ночах Клеопатры», о пирах, на которых она якобы продавала свою любовь присутствующим в обмен на их жизнь. Этим красивым сказкам мы обязаны исключительно римлянам, которые описали свои собственные обычаи, причем более позднего периода. Это в Римской Империи матрона могла спокойно выбрать любого из гостей на пиршестве и уединиться с ним в отдаленном покое, это при Нероне и Калигуле аристократы и рабы занимались сексом прямо в пирше-

ственном зале, причем император подавал пример. В Египте ничего подобного не происходило.

Клеопатра уже при жизни стала героиней легенд; её трагическая смерть ещё более усилила тенденцию к романтизации образа, но это произошло уже спустя тысячелетия в Европе. В большинстве своём древняя историография ей неблагоприятна; поскольку «История – это политика, обращённая в прошлое», то существует мнение, что приписывание Клеопатре всех мыслимых и немыслимых пороков было инициировано победителем Египта, императором Октавианом Августом и его окружением, стремившимися всеми силами очернить царицу, представив её не просто опасным врагом Рима и злым гением Марка Антония.

Пример – суждение о Клеопатре римского историка IV в. Аврелия Виктора, который, разумеется, лично царицу не знал:

«Она была так развратна, что часто проституировала, и обладала такой красотой, что многие мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи».

В других источниках – у Плутарха, Светоний, Иосифа Флавия – ничего подобного найти нельзя. разве что изумление по поводу того, что египетскую царицу нельзя было назвать даже хорошенькой, на ее лице красовался большой нос и крупный, как у мужчины рот.

Профили на монетах показывают женщину с волнистыми волосами, крупными глазами, выступающим подбородком и носом с горбинкой (наследственные черты Птолемеев). С другой стороны известно, что Клеопатра отличалась мощным обаянием, привлекательностью, отлично пользовалась этим для обольщения и вдобавок обладала чарующим голосом и блестящим, острым умом.

Но «Египетские ночи» – это хорошо срежессированная клевета, прошедшая через века и особенно пышно расцветшая с появлением кинематографа. Тем более, что существовали и другие истории, подтверждавшиеся современниками: французская принцесса Маргарита Наваррская действительно приказывала убивать своих случайных любовников, а тела выбрасывать в Сену. Есть своя «Клеопатра» – грузинская царица Тамара – и на Востоке. Римляне просто перенесли свою врагиню в атмосферу римского праздника и придали ей черты типичной римской аристократки.

Цезарь долго воевал с царем Понта Фарнаком, затем с последними сторонниками Помпея в Африке, но сразу же по окончании войн он вызвал в Рим Клеопатру (лето 46 до н. э.), формально – для заключения союза между Римом и Египтом. Клеопатре была выделена вилла Цезаря в его садах на берегу Тибра, где она принимала знатных римлян, спешивших засвидетельствовать свое почтение фаворитке.

У республиканцев это вызывало крайнее раздражение и стало одним из поводов, ускоривших гибель Цезаря. Ходил даже слух (передаваемый Светонием и показательный для общего настроения), что Цезарь собирается взять Клеопатру своей второй женой и перенести столицу в Александрию. Сам Цезарь приказал поместить позолоченную статую Клеопатры у алтаря Венеры Прародительницы (Венеры как мифического предка рода Юлиев, к которому он принадлежал).

Конечно, Цезаря убили не из-за любовницы-царицы (она, кстати, вернулась в Египет, а Цезарь остался в Риме), а совсем по другим причинам, но мартовские иды 44 года до н.э. фактически оставили Клеопатру вдовой, тем более, что скоропостижно скончался и ее фиктивный малолетний муж. Она осталась единственной полновластной правительницей Египта и ее благосклонности искали и приверженцы убитого Цезаря, и его противники. Клеопатра оставалась равнодушной ко всему, что не касалось непосредственно Египта, воспитывала сына и носила траур... по кому? Наверное, все-таки по Цезарю.

В 43 до н. э. на Египет обрушился голод и два года подряд не разливался Нил. Царица была озабочена прежде всего снабжением своей столицы, склонной к бунту. Три римских

легиона, оставленные покойным Цезарем, бесчинствовали вплоть до их вывода из страны. Восток был в руках убийц Цезаря: Брут контролировал Грецию и Малую Азию, а Кассий обосновался в Сирии.

Война между убийцами Цезаря, с одной стороны, и с другой стороны – его наследниками – Марком Антонием и внучатым племянником Октавианом, которого Цезарь в своем завещании объявил своим наследником и передал свое имя, закончилась победой сторонников и последователей Цезаря. Люто ненавидевшие друг друга, они, тем не менее, изображали на людях нерушимый союз и братскую любовь: Октавиан даже выдал за Марка Антония свою младшую сестру Октавию. Но каждый держал за спиной кинжал, выжидая первого промаха соперника.

Это продолжалось до тех пор, пока в результате политических интриг и междоусобиц в Риме власть в азиатских провинциях Рима, в которые номинально входил Египет, не перешла в руки Марка Антония – известного полководца, друга и в какой-то степени воспитанника Цезаря. Власть над Римом получил Октавиан, который именно этого и добивался, и который немедленно поднял вопрос о том, что Египет должен Республике баснословные суммы денег и не мешало бы новому правителю лично разобраться с этой ситуацией.

Новый правитель лично прибыл в Александрию, чтобы получить долг Египта за несколько лет. Деньги он получил, но... попал в те же сети, что и Цезарь несколько лет тому назад. Клеопатра мечтала о создании эллинистической восточной империи и такой союзник, как Марк Антоний, был ей необходим. Но этот союз по расчету очень быстро обернулся в бурный роман, по праву считающийся одним из величайших в истории человечества.

Антоний, оставив армию, провёл зиму 41—40 гг. до н. э., предаваясь попойкам и развлечениям. Со своей стороны Клеопатра старалась привязать его как можно крепче.

Плутарх рассказывал:

«...вместе с ним она играла в кости, вместе пила, вместе охотилась, была в числе зрителей, когда он упражнялся с оружием, а по ночам, когда он, в платье раба, бродил и слонялся по городу, останавливаясь у дверей и окон домов и осыпая обычными своим шутками хозяев – людей простого звания, Клеопатра и тут была рядом с Антонием, одетая ему под стать».

На такую удачу Октавиан даже не рассчитывал. Антоний и Клеопатра объявили себя божественной парой – Осирисом (Дионисом) и Исидой и совершили обряд официального бракосочетания, а в очень скором времени Клеопатра родила близнецов – мальчика Александра Гелиоса («Солнце») и девочку Клеопатру Селену («Луну»).

Клеопатра повелела отсчитывать от этого момента новую эру своего царствования в документах. Сама она приняла официальный титул Феа Неотера Филопатор Филопатрис, то есть «младшая богиня, любящая отца и отечество». Титул, по мнению историков, указывал, на македонские корни Клеопатры, что было весомым аргументом для греко-македонского правящего класса Сирии.

В порыве радости Антоний подарил любимой супруге Крит и Киликию, чем дал Октавиану прекрасный повод объявить Марка Антония изменником и двоеженцем, заслуживающим смертной казни. Иосиф Флавий утверждает, что Клеопатра также требовала у Антония Иудею, но получила отказ; однако это сообщение большинством историков ставится под сомнение.

Известие о раздаче земель вызвало сильнейшее возмущение в Риме, Антоний явно порывал со всеми римскими традициями и начинал разыгрывать из себя эллинистического монарха. Правда, он ещё пользовался значительной популярностью в сенате и армии, но своими выходками в восточно-эллинистическом духе, бросавшими вызов римским нормам и традиционным представлениям, сам дал Октавиану оружие против себя.

К 32 до н. э. дело дошло до гражданской войны. При этом Октавиан провозгласил ее войной «римского народа против египетской царицы». Египтянку, которая поработила римского полководца своими чарами, изобразили средоточием всего восточного, эллинистически-царского, чуждого Риму и «римским добродетелям». Вот тут-то и появились легенды о «египетских ночах», убитых любовниках и ваннах из крови новорожденных младенцев, которые Клеопатра, якобы, регулярно принимала, дабы сохранить молодость и красоту.

Со стороны Антония и Клеопатры для войны был подготовлен флот из 500 кораблей, из них 200 египетских. Антоний вёл войну вяло, предаваясь совместно с Клеопатрой пиршествам и празднествам во всех попутных греческих городах и предоставляя Октавиану время для организации армии и флота. Пока Антоний стягивал войска к западному побережью Греции, собираясь переправиться в Италию, сам Октавиан стремительно переправился в Эпир и навязал Антонию войну на его территории.

Объединенные силы Клеопатры и Антония были огромны, казалось, Октавиан будет безжалостно разбит. Но царица Египта допустила роковую ошибку, стоившую ей жизни.

Она решила сама командовать египетской частью подготовленного к войне флота, который превосходил флот Рима. 2 сентября 31 года до н.э. в решающие минуты сражения, когда победа уже была близка, Клеопатра, оказавшаяся в центре боя, не выдержала напряжения и вывела свой корабль из гущи схватки. За ней бой стали покидать и другие египетские корабли. Увидев, что Клеопатра отступает, за ней устремился и Антоний. Флот, сразу лишившийся двух руководителей, смешался и не смог противостоять организованному натиску кораблей флота Октавиана.

Война фактически закончилась разгромом объединенных сил Клеопатры и Антония в морской битве у мыса Акции 2 сентября 31 г. Антоний и Клеопатра скрылись в Александрию, где полководец, считавший войну проигранной, впал в отчаяние и покончил с собой.

Последние дни Клеопатры подробно описаны Плутархом по воспоминаниям Олимпа, ее врача. Октавиан дозволил Клеопатре похоронить возлюбленного; её собственная судьба оставалась неясной. Она сказалась больной и давала понять, что уморит себя голодом – но угрозы Октавиана расправиться с детьми заставили её принять лечение.

«Немногими днями позже Цезарь (Октавиан) и сам навестил Клеопатру, чтобы сколько-нибудь её утешить. Она лежала на постели, подавленная и удручённая, и когда Цезарь появился в дверях, вскочила в одном хитоне и бросилась ему в ноги. Ее давно не прибранные волосы висели клочьями, лицо одичало, голос дрожал, глаза потухли... Октавиан напутствовал Клеопатру ободряющими словами и удалился».

Но вскоре влюбленный в Клеопатру римский офицер сообщил ей, что через три дня её отправят в Рим для триумфа Октавиана. Это означало, что ее и детей проведут по римским улицам в цепях вслед за колесницей триумфатора. Для той, которая правила Египтом больше 20 лет и при жизни стала легендой, это было хуже смерти. И она предпочла смерть. Царица Египта, которой благодаря уму, политической изворотливости и женскому обаянию удавалось столько лет оставаться у власти, решила уйти из жизни.

Клеопатра велела передать Октавиану заранее написанное письмо и заперлась со служанками в храме. Посланные Октавианом нашли Клеопатру мёртвой, в царском уборе, на золотом ложе. Поскольку перед тем к Клеопатре прошёл крестьянин с горшком смокв, не вызвавший подозрений у стражи, то было решено, что в горшке Клеопатре пронесли змею. Утверждали, что на руке Клеопатры были чуть видны два лёгких укула. Саму змею в комнате не нашли, будто бы она сразу уползла из двorca.

На мысль о том, что змея – это еще одна красивая легенда, наводит то, что обе служанки Клеопатры умерли вместе с ней. Сомнительно, чтобы одна змея умертвила сразу трех человек и после этого бесследно исчезла. Скорее всего, Клеопатра хранила яд в поллой голов-

ной шпильке, устроенной наподобие миниатюрного шприца – версия, к которой склоняются многие серьезные историки.

Смерть Клеопатры лишила Октавиана блестящей пленницы на его триумфе в Риме. В триумфальном шествии везли лишь её изваяние. Еще до этого сын Цезаря был убит. Дети от Антония шли в цепях на параде триумфатора, а затем воспитывались у сестры Октавиана Октавии, жены Антония, «в память о муже». Впоследствии дочь Клеопатры, Селену, выдали замуж за мавританского царя. Судьба ее брата неизвестна, предполагается, что он умер очень молодым.

Вступление легионов Октавиана в Александрию в августе 30 года до н.э. положило конец независимости Египта, включенного в римские владения на правах особой провинции, управляемой императорским префектом.

А имя Клеопатры и ее образ остались в истории, обрастая все новыми и новыми подробностями – прекрасными и страшными, романтическими и будничными. Необыкновенная красота последней египетской царицы – это только легенда, но легенда невероятно красивая.

Остальное, в сущности, имеет значение только для серьезных историков.

Мессалина

Ее имя давным-давно стало нарицательным: так называют женщин, которые не знают меры в своих сексуальных влечениях, причем, как правило, женщин более чем зрелых.

И это – ошибка. Римская императрица Мессалина погибла, когда ей не было еще тридцати лет. Но остальное – правда. Счета любовникам эта женщина не знала. Да и не считала – не до того было.

Впрочем, Мессалина никогда не мечтала о высокой доле императрицы и супруги императора. Ее, едва достигшую тринадцати лет, выдали замуж за Клавдия, который был старше нее в три раза и служил посмешищем всего двора императора Гая Калигулы.

Это был уже третий брак Клавдия, до этого он развелся с двумя своими женами – ему надоели постоянные ссоры и откровенный разврат. С юной и очаровательной Валерией Мессалиной он хотел обрести наконец покой и любовь в семье. И поначалу казалось, что надежды его сбываются.

Мессалина сильно переживала, когда при дворе Калигулы издевались над ее супругом. Бедному Клавдию особенно доставалось на обедах в императорском дворце. Когда он по своей привычке, насытившись, тихонько засыпал, шуты бросали в него косточками, а то и с силой хлестали заснувшего хлыстом, так что тот ошеломленно вскакивал и под хохот окружающих долго с глупым видом оглядывался, соображая, где же он находится и что произошло.

Но именно репутация глупца, которую он сам, как рассказывал позднее, всячески поддерживал, спасла ему жизнь при императоре-садисте.

Конечно, Мессалина не могла любить своего незадачливого супруга, но первоначально их семейная жизнь была ровной и безоблачной. У них родилась прелестная девочка, названная Октавией; когда же Мессалина была на исходе второй беременности, произошло событие, круто изменившее жизнь супругов. Калигула был убит заговорщиками, и императором провозгласили Клавдия. А на двадцатый день правления Клавдия шестнадцатилетняя Мессалина родила ему наследника – Британника.

И вот тут-то Мессалина и сочла, что пробил ее звездный час. Фактически страной и Клавдием правили Мессалина и клика могущественных императорских вольноотпущенников. Но особым расположением Клавдия пользовался Нарцисс, советник императора по делам прошений, также обладавший колоссальными богатствами.

Молодая супруга нового императора предалась безудержному разврату. Мало кто отказывался от ее непристойных предложений, слишком велика была ее роль на вершинах власти, ненависть же и ревность Мессалины были ужасны. Повод к ее гневу мог быть совершенно неожиданным, а расправа жестокой.

В Риме долго помнили, как она поступила с Валерием Азиатиком, который дважды избирался консулом, отличился в походе в Британию, да к тому же был близким другом самого Клавдия. Его защитительная речь заставила разрыдаться даже Мессалину. Азиатика было предложено самому выбрать вид смерти. С необычайным хладнокровием гордый римлянин сам выбрал себе место для погребального костра в своих садах, позаботившись, чтобы огонь не повредил деревья, а затем вскрыл себе вены.

Мессалина же продолжала неистовствовать. Многочисленные оргии чередовались с ее похождениями по грязным вертепам. Жажда любовных наслаждений захватила ее целиком. Что это было? Особенности физиологии ее организма, как пытались объяснить еще древние

авторы? В медицине со временем появился даже термин «мессалинизм» как обозначение безудержной похоти. Но вряд ли дело сводилось лишь к этому.

Время Мессалины было временем невиданной до того в Риме распущенности и разнузданности среди его высших кругов, да и другие слои римского общества не отличались целомудрием. И пример тому подавали сами носители высшей власти. Еще Октавиан Август, издавший ряд строгих законов против разврата и пытавшийся представить себя образцом добродетели и скромности, в действительности сам отнюдь не следовал этим предписаниям. У него было множество любовниц, как девушек, так и замужних женщин, которых подыскивали ему друзья. К старости он стал особенно увлекаться молодыми девушками, их поставляла ему сама супруга.

При императоре Тиберии появились новые законы против распутства женщин, а после того, как одна из знатных замужних женщин публично призналась, что занимается проституцией, был издан указ о запрещении этой древнейшей профессии для женщин из всаднического сословия.

Но, пытаясь исправить общественные нравы, Тиберий тем не менее не считал самого себя связанным строгими моральными нормами. Затворившись на вилле на острове Капри, Тиберий предавался безудержному разврату – там разыгрывались самые непристойные оргии, в рощах юноши и девушки изображали из себя фавнов и нимф. Своими любовницами он заставлял быть самых знатных женщин. Тех же, кто при этом не выказывал ему требуемых симпатий, подвергал репрессиям.

Так что же выделяло Мессалину из этого гнусного ряда? Разве только то, что подобного рода дела творила женщина. Безудержная похоть сочеталась в ней с небывалой для слабого пола жестокостью – по ее прихоти совершались многочисленные казни. А уж коварство ее не знало границ.

Она могла проводить ночи в публичных домах, прикидываясь шлюхой и даже получая деньги за свои услуги, но если потом узнавала своего случайного любовника на улице или в цирке – несчастный был обречен. Императрица даже не утруждала себя поиском предлога для убийства, ее стража просто расправлялась с тем, на кого указывала «божественная».

Но последняя страсть Мессалины оказалась для нее роковой. До этого времени самые дерзкие ее проделки оставались тайной для беспечного Клавдия. Похождения жены его словно не интересовали. Во всяком случае Мессалине приходилось предпринимать лишь минимальные меры предосторожности, чтобы не предстать перед глазами супруга такой, какой она была на самом деле. Так и с Гаем Силием все начиналось, как всегда дерзко, вызывающе, напоказ. Но закончилось совсем по-другому.

С этим знатным и красивейшим из молодых людей Рима она забывала обо всем. Их связь для многих уже не была тайной – ослепленная любовью супруга императора больше времени проводила с Гаем Силием, чем со своим мужем. Она буквально всюду ходила по пятам за своим любовником, не таясь приходила к нему в дом, принося щедрые подарки и даже утварь из императорского дворца.

Силий был уже разведен – Мессалина ни с кем не желала делить своего любовника и добилась его развода. Гай не смог отказать во взаимности могущественной Мессалине – он хорошо знал неистовый и жестокий нрав этой развратной особы: вызвавший ее ненависть мог прощаться с жизнью. Но риск был и в связи с супругой императора – гнев обманутого Клавдия мог быть не менее страшен.

То ли вера в полную беспечность Клавдия, то ли убеждение в собственном всемогуществе толкнули ее на авантюру, еще невиданную в Риме. Мессалина согласилась на уговоры Гая Силия стать его женой, хотя поначалу она была глуха к рассуждениям своего любовника о том, что их пылкая любовь должна завершиться брачным союзом и не следует ждать, когда Клавдий скончается от старости.

Вероятно, Мессалина первое время опасалась, что, достигнув вершины власти, этот красавец может покинуть ее. Но затем буйная натура, испытывавшая все мыслимые пороки, заглушила доводы разума – вступление в новый брак при живом еще муже привлекло Мессалину своей неслыханной дерзостью.

Все было подготовлено заранее к заключению этого союза, поправившего всякие основы права и морали. И когда Клавдий отправился совершать традиционные жертвоприношения в близлежащую приморскую Остию, Мессалина и Гай Силий приступили к осуществлению своего плана.

Брак был заключен торжественно, со свидетелями, которые делали вид, будто не знают о том, что новобрачная – жена другого человека. На брачном пиру среди множества гостей Силий и Мессалина возлежали рядом, часто сплетаясь в страстных объятиях. На глазах присутствующих в саду было постлано брачное ложе, на котором новоявленные супруги провели брачную ночь...

А гроза надвигалась. В разгар свадебного веселья Мессалина не обратила внимания на исчезновение Нарцисса. Между тем тот был уже в Остии. Вначале казалось, что расчеты Мессалины оправдывались. Ее брак с Гаем Силием вызвал смятение среди придворных. Понимая, что это переворот, направленный на устранение Клавдия, они в разговорах между собой осуждали наглый поступок Мессалины. Однако, одно дело разговоры и совсем другое – действия. Как поступить? Любой неверный шаг – и последует жестокая расправа либо со стороны торжествующей Мессалины, либо – опозоренного Клавдия.

Когда три могущественных вольноотпущенника спешно собрались на совет, то они долго не могли найти решения. Вначале Нарцисс, Каллист и Паллант посчитали, что следует припугнуть Мессалину и заставить ее порвать с Гаем Силием, сделав вид, что ничего не произошло.

Но брак был совершен открыто, свидетелей было слишком много. Любая огласка в таком случае могла повлечь за собой конец Мессалины, а они были участниками многих из ее козней и, наконец, ее любовниками. Страх словно сковал Палланта и Каллиста, лишь Нарцисс сохранил твердость и присущую ему изворотливость.

Он прибыл к Клавдию с двумя самыми любимыми наложницами императора. По его распоряжению они, одна за другой, ошеломили Клавдия известием, что его супруга вышла замуж за Гая Силия. Опешивший император потребовал объяснений от Нарцисса. Тот подтвердил сообщение наложниц и заодно рассказал Клавдию о прежних многочисленных супружеских изменах Мессалины. Нарцисс настоятельно требовал от императора немедленных действий. То же самое советовали собранные Нарциссом самые влиятельные люди из окружения Клавдия.

По приказу Нарцисса в Рим отправились офицеры и солдаты для ареста участников злополучных брачных торжеств. Императорский кортеж еще не тронулся из Остии, а этот приказ был уже выполнен. Испуганной Мессалине оставалось теперь надеяться только на свои женские чары и отцовские чувства Клавдия. У въезда в Рим разгневанного отца должны были ждать его дети – Октавия и Британник, однако Нарцисс не допустил этого.

Униженно умоляла Мессалина Клавдия выслушать мать его детей. Но суровый Нарцисс не дал ей возможности растопить жалостью сердце растерянного императора. Клавдий хранил полное молчание, но в душе его боролись гнев на неверную жену и жалость к маленьким детям. Но первое из этих чувств окончательно взяло верх, когда расчетливый Нарцисс ввел императора в дом Гая Силия.

При виде своих рабов и утвари из императорского дворца Клавдий пришел в ярость. Тотчас Нарцисс доставил его к преторианцам, и нескольких слов смущенного и обманутого супруга хватило для того, чтобы верные императору преторианцы потребовали немедленного суда над преступниками. Суд был скорым. Гай Силий, державшийся твердо, потребо-

вал лишь ускорить казнь. Тут же было казнено еще 10 человек – любовников Мессалины и их сообщников.

Расправа над Мессалиной была отложена. Она тем временем находилась в садах Лукулла, стоивших из-за ее происков жизни их прежнему хозяину Валерию Азиатiku. Ее еще не оставляла надежда спасти свою жизнь. Здесь со слезами и с припадками бешенства она сочиняла оправдательные речи.

И надежды разоблаченной блудницы могли оправдаться. Утолив свой гнев кровавой расправой и раздобрев от обильной трапезы, Клавдий согласился выслушать неверную супругу на следующий день. Нарцисс же был уверен, что этого делать нельзя. На свой страх и риск он отправил троих верных людей к Мессалине, приказав им убить ее, ибо такова, дескать, воля императора.

Таков был конец этой женщины. Надписи с ее именем и ее великолепные статуи распорядились уничтожить. Так что портретов Мессалины сохранилось очень мало.

Но имя....

Звезда угасающей античности

Основанная Александром Македонским в 332—331 годах до н. э. в дельте Нила Александрия после смерти великого завоевателя стала на три века столицей царства Птолемеев, а когда в 30 году до н. э. Египет был включен в состав римской державы, город остался центром императорской провинции. С первых лет своего существования Александрия была не только административной столицей Египта, но и культурным и научным центром всего античного мира.

Здесь находилось одно из семи чудес света – Фаросский маяк высотой около 120 метров, свет которого был виден с расстояния 60 километров. А свет науки и культуры, который излучала Библиотека, распространялся на весь античный мир. Александрийская Библиотека, насчитывавшая в лучшие времена в своих хранилищах до 400 тысяч свитков и приобретающая все литературные и научные произведения, которые существовали в то время, была самой знаменитой в античном мире.

С начала IV века на античную культуру активно наступала новая сила – христианство. В результате процесса христианизации, охватившего все сферы жизни позднеантичного общества, Римская империя становилась христианской. Главным противником и конкурентом христианства в обществе в IV веке было язычество, и именно против старой религии растущая церковь наносила свои основные удары, добившись к концу столетия ее окончательного политического поражения. Однако язычество в глазах и христиан, и нехристиан неизбежно ассоциировалось с античной культурой.

И хотя среди христиан в то время было немало образованных и умных людей, воспитанных на лучших традициях античности и высоко ценящих ее культуру, философию, науку, основная масса христиан и церковь в целом относились к античной культуре весьма враждебно, усматривая в ней не просто серьезного противника новой христианской культуры, но и порождение языческой религии, столь ненавидимой христианами.

16 июня 391 года римский император-христианин Феодосий издал эдикт, запрещавший жертвоприношения и осуждавший почитание изображений, созданных человеческой рукой. Воспользовавшись этим указом, который фактически запрещал языческий культ, епископ Александрии Феофил спровоцировал уничтожение Библиотеки, которая содержала уцелевшие от предыдущих потрясений письменные памятники античной науки и литературы.

Это бессмысленное уничтожение бесценных сокровищ человеческого разума легло грязным пятном на историю античного христианства. Однако александрийские христиане оставили не только грязный, но и кровавый след в античной культуре. Фанатики погубили необыкновенную женщину, настоящую звезду угасающей античности – Ипатию.

Точных данных о дате рождения Ипатии нет. Обычно называют приблизительно 370 год, но без серьезных оснований. Во всяком случае Ипатия, несомненно, была уже в сознательном возрасте, когда христианские фанатики уничтожали Библиотеку, а возможно, и была очевидцем этого варварства. Вероятно, юная Ипатия восприняла это печальное событие достаточно остро и болезненно, так как ее отец был одним из видных ученых александрийской школы и с детства привил дочери любовь к наукам и стремление к знаниям.

Отец дал Ипатии прекрасное образование. Углубленное изучение точных наук заставило Ипатию задуматься над более общими проблемами, что вылилось в серьезное увлечение философией, в частности самым популярным учением поздней античности – неоплатонизмом. Ипатия свободно толковала сочинения таких выдающихся мыслителей прошлого, как Платон и Аристотель. И в философии, как говорили современники, она превзошла всех своих предшественников.

Когда Ипатия завершила свое образование, блеск ее ума и таланта оказался столь ярким, что ей была предложена философская кафедра. Эта должность давала ей место и в городском совете, где она могла участвовать в управлении городом. Сейчас все это может показаться совершенно обычным, но для начала V века это было настоящей сенсацией.

Впервые в истории женщина стала профессором, мало того, Ипатия – вообще единственная женщина, имя которой сохранилось в истории греческой науки за более чем тысячелетнюю ее эпоху.

Тот факт, что последний расцвет александрийской, да и, пожалуй, вообще всей античной науки связан с именем женщины, заслуживает особого внимания. В эпоху поздней античности социальный статус женщины начал понижаться, и это в значительной степени было связано с распространением христианства, которое зачастую видело в женщине «сосуд зла» или «врата дьявола».

Хотя формально правовое положение женщины не претерпело существенных изменений, к V веку ее свобода оказалась сильно урезанной: снизился уровень образованности, распространялись взгляды о ее неполноценности, уделом свободной женщины становилось монашество и отречение от всех мирских благ, а главной обязанностью замужней оставалось служение домашнему хозяйству.

В связи с этим пример Ипатии является особо выдающимся. В ее лице стремление женщины античности достичь полной свободы и стать равной мужчине даже в философии достигло самого полного и законченного воплощения. Вместе с тем, пример Ипатии являл собой протест против наступления христианства и на статус женщины, и одновременно на античную культуру. Во всяком случае, трагическая судьба Ипатии свидетельствует о том, что многие рядовые христиане воспринимали философа в платье именно как противоречие христианским нормам, как протест против христианизации.

Пожалуй, еще одной немаловажной причиной неприязни христиан к Ипатии была ее красота; и это наряду с острым умом и тем положением, которое она занимала, сделало ее центром внимания в образованных кругах Александрии. На ее лекции приходили толпы восхищенных поклонников. Одни говорили, что по внешности она подобна самой Афине Палладе, другие видели в ней воплощение духа Платона и тела Афродиты, третьи выражали свое восхищение, сравнивая ее сразу с тремя великими греческими богинями, явившимися накануне Троянской войны на суд Париса с яблоком раздора, на котором было написано «прекраснейшей»: Ипатия – Афина по уму, Гера по величественной осанке, Афродита по красоте.

Однако ее свободные и непринужденные встречи с образованными людьми и известность ее жизни давали много поводов для сплетен и пересудов. Женщины тоже смотрели на нее с подозрением и нередко называли мужеподобной и обвиняли в нескромности. Она действительно ходила по улицам в одежде философа (а таковыми до сих пор были только мужчины), свободно общалась со всеми, кто желал учиться или получить разъяснения трудных мест из Платона и Аристотеля, она вела себя свободно и непринужденно, именно так, как подобает вести себя свободной женщине, но, будучи умной женщиной, она никогда не переступала рамок приличия.

Еще одним поводом для сплетен вокруг Ипатии являлось то, что она была не замужем. Между тем Ипатия постоянно находилась в окружении мужчин, и неудивительно, что некоторые ее ученики пылали к ней любовью. Несомненно, что многие сплетни ходили по Александрии, и целью их было создать дурную славу вокруг женщины, которая была так непохожа на других.

Однако попытки опорочить Ипатию, видимо, не имели успеха и не воспринимались всерьез. Ее дом всегда был полон гостей, ее лекции приезжали слушать люди со всех концов мира, ее ум, знания, красноречие, скромность и красота опровергали любые домыслы.

В 412 году место умершего Феофила на александрийском патриаршем престоле занял его племянник Кирилл, который имел не меньшие амбиции в достижении безраздельной власти, чем его предшественник, но превосходил его в искусстве интриги и в выборе неблагоприятных средств для достижения своих целей.

Следует заметить, что роль александрийского патриарха в то время в церковных делах была очень велика: александрийская церковь в первой половине V века в сущности, стояла во главе восточной церкви. И главной целью Кирилла в первые годы его правления было добиться власти над светским правителем Египта, а также сделать Александрию исключительно христианским городом.

Кирилл Александрийский был фанатичным тираном церкви, и Ипатия оказалась самой знаменитой из его жертв. Он ненавидел ее за славу, за ум, за красоту, за независимость, за тот свет, который она несла своим ученикам, за то влияние, которое она оказывала на всех образованных людей, за ее проповедь богопротивного учения, окрашенного проклятым церковью язычеством.

Нужно заметить, что александрийская беднота (христиане в своем большинстве) была крайне возбудима и взрывоопасна, и это ее свойство нередко использовали власть имущие.

«Александрийская чернь, – писал Сократ Схоластик, – любит возмущения больше всякой другой черни и, когда находится повод, устремляется к нестерпимым злодеяниям, ибо без крови не успокаивается от волнения».

Эту особенность александрийцев и постарался использовать Кирилл.

Центральная власть предпочитала не вмешиваться в александрийские дела. Император Восточной Римской империи был в то время малолетний Феодосий II, но во главе правления стояла его старшая сестра Пульхерия. Она была столь фанатичной христианкой, что даже при своем дворе ввела монастырские порядки. Поэтому константинопольский двор остался глух к жалобам язычников на произвол христиан.

Между тем в городе свирепствовали параволаны – отъявленные головорезы, состоявшие на службе у александрийского патриарха. Они были его вооруженной свитой и выполняли любые его поручения, буквально терроризируя жителей Александрии.

Это случилось в марте 415 года. Ничего не подозревавшая Ипатия, возвращаясь откуда-то домой, неожиданно подверглась нападению со стороны отряда параволанов. Источники не дают оснований прямо утверждать, что на это нападение дал санкцию сам Кирилл, но, зная склонность патриарха к неблагоприятным поступкам и учитывая тот факт, что параволаны обычно действовали по его указанию, нельзя полностью отрицать ответственности главы александрийской церкви за происшедшее. Даже если считать, что религиозные фанатики действовали по собственной инициативе и что они сами ненавидели Ипатию не меньше Кирилла, последний сделал достаточно много для того, чтобы толкнуть верящих ему людей на бесчеловечное деяние.

Свирепые головорезы силой выволокли Ипатию из повозки и потащили к церкви. Прекрасную женщину раздели донага, избili ненавистную плоть, носившую в себе все лучшее, что еще сохранялось от славной античности, и предали страшной казни: острыми устричными ракушками и черепками ее тело разорвали на куски, а затем бранные останки вынесли из храма, разбросали по городу или сожгли.

Это жуткое жертвоприношение потрясло всех. Даже Кирилл скорбел о случившемся, ибо такая расправа не вписывалась ни в какие христианские и человеческие нормы. Впоследствии и вся христианская церковь чувствовала неловкость за это кровавое преступление зверствующей толпы, вдохновленной лидером александрийских христиан, и пыталась выгородить Кирилла, столь ревностно всю жизнь боровшегося за торжество христианства.

Общественный резонанс, вызванный ужасным убийством Ипатии, был столь велик, что возмущение охватило даже Константинополь. Правительство не могло пройти мимо

этого чудовищного преступления, но... спустя два с лишним месяца издало новый эдикт, удалявший язычников с административных постов и из армии, показав тем самым, что никакого ущемления христиан и церкви оно не допустит.

Ипатия пала жертвой религиозного фанатизма и обстоятельств. Ее гибель была предрешена всем ходом событий. «Афина по уму, Гера по величественной осанке, Афродита по красоте» была последней звездой античности, осветившей своим ярким светом ее угасающий небосвод. После смерти Ипатии александрийская школа пришла в упадок, и вскоре господство там христиан стало безраздельным, но оно уже не дало человечеству ни одного столь яркого имени.

Спустя некоторое время Ипатия стала языческой мученицей, и ее почитали едва ли не так же, как христиане почитают своих многочисленных мучеников и святых. Так две религии как бы примирились и сошлись в образе этой необыкновенной женщины, трагическая судьба которой до сих пор не может оставить равнодушным ни одного человека, независимо от его веры.

Августейшая лицедейка

Странно, что так мало и редко пишут о византийских императрицах. А ведь они очень часто были не просто супругами императоров, а фактическими правительницами империи, причем попадали на трон не из правящей в соседнем государстве семьи и даже не из высшей аристократии – из самой черни.

Одной из самых ярких и своеобразных фигур, когда-либо занимавших византийский престол, была Феодора, жена императора Юстиниана. История Феодоры, женщины необычной судьбы, женщины, шагнувшей с подмостков сцены, чуть ли не с панели на императорский престол, во все времена вызывала любопытство и интерес.

Современники рассказывали о ней самые невероятные истории, которые позднее были украшены новыми романтическими подробностями. Возможно именно благодаря легендам о ее приключениях, Феодора стала единственной из всех византийских императриц, известных широкой публике.

К сожалению, история сохранила мало подлинных сведений об этой удивительной женщине, все больше сплетни и легенды. Но в любом случае она не была просто ловкой авантюристкой: слишком много было сделано Феодорой для величия Византии, а не только для собственного возвышения. Это была поистине великая государыня.

Считается, что Феодора родилась на Кипре около 500-го года. Считается, что ребенком вместе со своими родителями она прибыла в Константинополь. Некоторые легенды из уважения к императорскому сану, которого Феодора достигла впоследствии, приписывали ей более знатное, более приличное происхождение, называя ее отца сенатором. И уроженкой Кипра ее сделали тоже легенды. Увы...

В действительности ее отец был служителем на константинопольском ипподроме и довольно рано умер, оставив в большой бедности вдову и трех малолетних дочерей. Маленькая Феодора выросла в довольно-таки сомнительном обществе закулисных завсегда-таев ипподрома. Когда она выросла, то стала актрисой и выступала в пантомимах. Да у нее и выбора-то не было – желающих жениться на нищей лицедейке как-то не находилось.

Льстецы говорили о том, что Феодора была красоты несравненной, *«такой, что слова и искусство людей не в силах ее изобразить»*. По мнению же ее порицателей, она была просто хорошенькой женщиной, невысокого роста, крайне грациозной, с несколько бледным лицом, с глазами, исполненными живости. Но таких было немного: даже злейшие враги признавали, что Феодора в действительности была необыкновенно красива.

Эту красоту не доносит до нас в полной мере ее официальный портрет, находящийся в церкви Святого Виталия в Равенне. Феодора изображена на мозаике поблекшей красавицей с усталым и задумчивым лицом. Облаченная в царские одежды, она кажется немного выше ростом. Под короной, скрывающей лоб, – нежное, несколько худощавое лицо с длинным, прямым, правильной формы носом. Единственная характерная черта сохранилась на этом портрете – большие черные глаза, сверкающие из-под темной линии сросшихся бровей.

Феодора пленяла не только своей красотой. Она была умна, остроумна, весела, поэтому быстро добивалась успеха не только в театре, но и вне его. Благодаря своему пылкому темпераменту, влюбчивости, прирожденному влечению к удовольствиям, Феодора отнюдь не вела праведную жизнь и к двадцати годам приобрела сомнительную славу первой среди куртизанок Византии.

После такого бурного начала жизни Феодора на некоторое время вдруг исчезла из столицы. Возможно, ей хотелось вырваться из своей шумной среды или добиться какого-нибудь более прочного положения. Но оказывается, что именно в это время она увлеклась неким

сирийцем, который получил должность губернатора в одной из африканских провинций. Вместе со своим возлюбленным Феодора отправилась в Африку. Однако их роман был непродолжительным. Феодора осталась одна в чужих краях, без средств к существованию. Поэтому ей приходилось зарабатывать себе на жизнь проституцией, из чего она в то время не делала тайны.

Долгое время Феодора пребывала в Александрии, научном и культурном центре тогдашнего мира, где не могла не попасть под влияние той среды, в которую ее забросили обстоятельства. Можно полагать, что именно здесь, в Александрии, в ней произошел какой-то перелом. Когда она вернулась в Константинополь, то круто изменила свой образ жизни. Некоторые предания свидетельствуют, что в это время она вела уединенную, тихую и вполне нравственную жизнь. Поселившись в скромном маленьком домике, она занималась рукоделием и пряла шерсть, как римские матроны доброго старого времени. И этим она зарабатывала себе на жизнь. Здесь-то ее и встретил богатый патриций Юстиниан и безумно влюбился.

Такой византийский вариант сказки о Золушке.

Трудно сказать, разыграла ли Феодора с целью его привлечения комедию скромности и добродетели. Во всяком случае, обладая небывалой красотой, светлым умом, остроумием, твердым и решительным характером, она могла вызвать глубокие чувства у Юстиниана, не столь уже молодого человека, занятого политикой и своим будущим.

Юстиниан был племянником царствовавшего в то время императора, который, не имея наследников, пригласил в столицу сына своей сестры, дал ему блестящее образование в духе лучших традиций античной науки и формально назначил наследником, а фактически доверил ему управление.

Феодора буквально околдовала Юстиниана. Безумно влюбленный, он не отказывал ей ни в чем. Феодора любила деньги – он осыпал ее богатствами, она жаждала поклонения и почестей – он выхлопотал у дяди причисление ее к патрицианскому сословию (!). И этим дело не ограничилось.

Связь с Феодорой оказалась настолько прочной, что Юстиниан решил во что бы то ни стало на ней жениться. Император Юстин, который мало придавал значения знатности происхождения (наверняка, не без веских оснований), без колебания дал своему любимому племяннику согласие на этот брак.

Но для того, чтобы жениться на Феодоре, Юстиниану пришлось преодолеть большие трудности. Дело в том, что римское право запрещало браки сенаторов, патрициев и других высокопоставленных лиц с женщинами низкого происхождения, актрисами и куртизанками. Но и это препятствие Юстиниану удалось преодолеть. Он склонил, а может быть, и заставил старого императора издать закон, по которому отныне актрисам, отказавшимся от прежнего образа жизни, было разрешено заключать браки.

Чего не сделаешь ради любимого племянника, особенно наследника, который вполне мог сам издать такой закон, предварительно отравив дядюшку! В Византии такое было в порядке вещей и давно никого не удивляло.

В 525 году в соборе Святой Софии состоялось бракосочетание Юстиниана и Феодоры. А два года спустя в том же кафедральном соборе патриарх Константинопольский торжественно короновал Юстиниана императором. Этот триумф разделила со своим супругом и Феодора, ставшая отныне императрицей.

А затем, по византийскому обычаю, Юстиниан и Феодора, только что коронованные, окруженные патрициями и гвардией явились в цирк, чтобы в императорской ложе занять места на золотом троне и, согласно обряду, осенить крестным знаменем головы собравшихся людей. Феодора принимала приветствия и пожелания успехов от народа на том самом ипподроме, который некогда был свидетелем ее актерских дебютов.

Итак, Феодора сделала совершенно небывалую карьеру. Начался новый этап в ее жизни. И происходит ее очередное перевоплощение: перед нами предстает совсем другая Феодора – великая императрица одного из крупнейших государств мира, занимавшая рядом с Юстинианом блестящее положение, но вместе с тем существо деспотическое и высокомерное, вспыльчивое и страстное.

Редкий человек незнатного происхождения, пробившийся в аристократическое общество, так быстро осваивался со своим новым положением, так быстро привыкал к своему величию, как это произошло с Феодорой. Редкая императрица, даже царской крови, испытала, подобно Феодоре, столько радостей и удовольствий, которые дает обладание высшей властью.

Феодора, в противовес своему царственному супругу, щеголявшему простотой, была чрезмерно склонна к роскоши и различным утехам, которые ей обеспечивались верховной властью. Ей доставляло огромное удовольствие окружать себя всевозможной роскошью и изяществом в своих покоях императорского дворца в Константинополе и на своей пышной вилле на малоазийском берегу.

Она любила дорогие туалеты, блеск пурпурных, шитых золотом, мантий, редкие драгоценности, алмазы, жемчуг. Она считала, что изысканный стол – одна из неотъемлемых привилегий высшей власти. Поэтому ее стол всегда сервировался с отменным и тонким вкусом. Она любила пышные и торжественные выезды. Когда Феодора путешествовала, ее сопровождал конвой в количестве четырех тысяч гвардейцев.

Как очень хитрая и кокетливая женщина, Феодора понимала, что красота – верная гарантия ее могущества. Поэтому много внимания и заботы она уделяла своей внешности. Чтобы придать нежность и очарование своему лицу, Феодора всегда спала очень долго. Для сохранения цвета лица и придания ему большей свежести она часто и подолгу принимала ванны, за которыми следовали долгие часы отдыха.

Всю свою жизнь Феодора страстно любила богатство и деньги. И обретенные огромные богатства стали одним из важнейших условий могущества Феодоры. Она одаривала церковь и благотворительные учреждения, делала пожертвования на строительство. Проявляя заботу о росте собственного состояния, она не меньше заботилась об обеспеченном будущем своих родственников. С помощью удачных браков она делала их состоятельными людьми, не забывая при этом и себя. Наконец, она устроила брак своей племянницы Софии с племянником Юстиниана, предполагаемым наследником престола, поскольку император пошел в дядюшку и собственных детей иметь не мог. А это уже давало определенные гарантии на будущее.

Феодора, одержимая истинной страстью властолюбия, стремилась дать почувствовать свою силу и с наслаждением смотрела, как униженно преклоняются перед ней те, которых она некогда ублажала своей игрой на сцене. А вообще-то весь церемониал двора в какой-то мере напоминал театральную обстановку, любовь к которой у Феодоры осталась из ее прошлого. Став законной супругой Юстиниана и повелительницей огромной империи, Феодора превратилась в добродетельную женщину.

Ни один из ее современников, ни один из историков последующего времени, обвинявший Феодору в жадности, честолюбии, ничего не сообщил такого, что дало бы повод усомниться в ее нравственной чистоте. Она была слишком умна и властолюбива, чтобы компрометировать себя любовными похождениями и интригами. Верховная власть стоила того, чтобы ради ее сохранения предпринять все меры предосторожности. И конечно, эта безупречность жизни Феодоры делает честь ее практичному уму.

Кроме всего прочего, эта умная, властная женщина была занята более серьезными делами, чем любовные похождения. Феодора обладала теми высокими качествами, которые оправдывают ее стремление к власти. Благодаря им, она сумела в течение всего периода

своего правления пользоваться глубоким и заслуженным влиянием на обожавшего ее Юстиниана. Она была для него, по выражению одного из современников, «самым сладостным очарованием». Да и сам Юстиниан в одном из официальных актов с особым удовольствием отметил, что Феодора была «его даром от Бога».

Император ни в чем не отказывал своей супруге – ни в почестях, ни в действительном пользовании верховной властью. Пока Феодора находилась на императорском троне, она управляла империей в такой же мере, как и Юстиниан, а возможно, даже и в большей. Все летописцы единогласно утверждали, что в важнейших делах она была сотрудницей императора и пользовалась таким же авторитетом, как и он.

Феодора проявила бескорыстную заботу и о тех несчастных девушках, которых довела до падения скорее нужда, чем порок. Она основала для покаявшихся монастырь на берегу Босфора в старинном императорском дворце. Чтобы освободить этих бедных девушек от «ига их позорного рабства», она обеспечила это благотворительное учреждение богатым вкладом.

Феодора, помня свои молодые тяжелые годы, проявляла чувство жалости к бедным женщинам, особенно невольницам. Она их выкупала сотнями, а затем давала им убежище в монастырях. Она добилась издания закона, запрещавшего торговлю женщинами.

В законах, изданных против развода и супружеской неверности, проявлена забота Феодоры о сохранении института брака, «этого священнейшего из всех учреждений», и стремление всем внушить уважение «к этим законным и священным узам». Она была суровым стражем морали и стремилась улучшить нравы столицы.

Феодора активно вмешивалась во внешнюю политику. Она вела, подчас без ведома императора, дипломатическую переписку, принимала иностранных послов, щедро одаривая их подарками. Послы знали об огромной власти Феодоры, поэтому, чтобы приобрести ее благосклонность, спешили в первую очередь по прибытии в Константинополь явиться к ней на поклон. Даже государи других стран, чтобы добиться расположения императрицы, льстили ее тщеславию и необузданной любви к власти.

В политике Феодора вела свою линию, нередко расходясь с Юстинианом. Император свои взоры обращал на Запад, мечтая о восстановлении Римской империи. Феодора же, более тонкая и проницательная, понимающая потребности государства и более ясно оценивающая действительность, была убеждена, что мощь империи – в Египте, Сирии и Азии.

Отсюда и ее расхождения с Юстинианом в религиозной политике. Обладая большим политическим чутьем, она понимала ту важную роль, которую играли религиозные вопросы, чувствовала опасность религиозных раздоров, в которых восточные народы проявляли свои сепаратистские стремления. Феодора старалась положить конец религиозной распре, сгладить уступками политические разногласия и таким образом вернуть отпавшие провинции Сирии и Египта. Этим путем она думала создать более компактное, более однородное и сильное государство, которое могло бы успешно сопротивляться арабскому вторжению. Попытки Феодоры воздействовать на политику императора именно в этом направлении свидетельствовали о ее умении здраво оценивать события и ясно предвидеть будущее.

Вникая во все дела государственного управления, Феодора вместе с тем оставалась женщиной, благодаря чему она и возбуждает к себе особый интерес. Женщина сказывалась не только в ее любви к роскоши и изяществу. Это была жаждущая влияния женщина, стремившаяся к сохранению за собой завоеванной власти. Она беспощадно уничтожала любую оппозицию, которая могла поколебать ее авторитет. Причем, мстя за малейшее посягательство подорвать ее власть, она не останавливалась ни перед чем и не выбирала средства: насилие, измена, ложь, скандалы, интриги были обыкновенными приемами ее борьбы.

Она поражала своих врагов с той стороны, с которой они менее всего ожидали нападения. Своим противникам и недоброжелателям хитрая и честолюбивая Феодора умела

показать, что она не из тех женщин, которые способны терпеть какие-либо посягательства на свою персону и когда-либо их простить. Феодора не щадила даже родственников, если видела в них какую-либо опасность для своей и Юстиниана власти. С этой целью она удалила от двора принцев императорской фамилии, которые, как ей казалось, заслоняли ее.

29 июня 548 года императрица Феодора скончалась в возрасте 48 лет. Ее похоронили со всеми присущими императорам церемониями. Юстиниан горько оплакивал эту великую для него потерю. При жизни он преклонялся перед нею, после смерти с благоговением хранил воспоминания. В память о Феодоре он окружил себя теми лицами, которые были близки ей.

Современники рассказывали, что даже много лет спустя после смерти государыни, когда император хотел дать торжественное обещание, он клялся именем Феодоры. Ее имя фигурирует рядом с именем Юстиниана в надписях, вырезанных на фасадах церквей и над воротами цитаделей. Ее изображение всегда присоединялось к изображению Юстиниана в мозаиках различных церквей. Она изображалась на императорских печатях рядом с Юстинианом. Ее имя носили многие города и провинции Византии и завоеванных Юстинианом территорий.

Императрица Феодора была одной из самых знаменитых женщин византийской истории. Стремясь удержать власть, достигнутую с таким трудом, она была жестока, сурова, деспотична, неумолима к тем, кто вызывал ее ненависть. Крайне честолюбивая, она потрясала двор и империю своими интригами. Но вместе с тем эта красивая, кокетливая и хитрая женщина обладала твердой волей, решительностью и широтой политического кругозора. Одним словом, если ее пороки принадлежали ее происхождению и ее времени, то ее поистине царские достоинства принадлежали ей самой.

Сыграть роль подлинной императрицы, не допустив за много лет ни малейшего промаха, ни единого просчета? Для этого и впрямь нужно было быть великой актрисой.

Но и великой женщиной – тоже.

Элоиза и Абеляр

На заре XII века в южной Франции, в Провансе, возникла и постепенно вошла в обиход так называемая куртуазная любовь. Когда – неслыханная прежде вещь – мужчине, чтобы добиться благосклонности женщины, благородной дамы, приходилось долго за ней ухаживать, оказывать всяческие знаки особо пристрастного внимания. То была первая победа, настоящий триумф, одержанный слабым полом в мрачном средневековье. Однако первая пара возлюбленных, пошедших на такой неслыханный риск, поплатилась за это, о чем на разные лады трубят вот уже восемь столетий.

Их звали Пьер Абеляр и Элоиза Фульбер.

Пьер дю Палле, известный во всем мире как Абеляр, родился в 1079 году в небольшом городке в Бретани. Родители старались дать ему хорошее воспитание. И вот, с благословения отца, Абеляр отправился в Париж, который уже в ту пору считался неоспоримым духовным центром Франции. Абеляр поселился в знаменитом Латинском квартале, который получил такое название потому, что приезжавшие со всех стран Европы студенты разговаривали между собой на одном, понятном им всем языке – латинском. Все они посещали монашескую школу, расположенную рядом с первой, построенной еще древними римлянами, базиликой Нотр-Дам, куда записался и Абеляр, а очень скоро и возглавил ее.

Абеляр открыто, не стесняясь, называл себя «единственным стоящим чего-то на земле философом». Им восхищались мужчины, его обожали женщины. Но и змей-искуситель уже подстерегал его, беда караулила в доме, расположенном в двухстах шагах от того класса, где Абеляр читал студентам нравоучения.

В это время в Париже жила милая девушка по имени Элоиза. Родилась она, вероятно, в 1100 году. Ее родители умерли, когда девочка была еще совсем маленькой, и ее взял на воспитание дядя – каноник Фульбер. Они жили в одном из домиков для священнослужителей на территории храма, на котором до сих пор сохранилась надпись: «Здесь жили Элоиза с Абелом. Искренние возлюбленные. Драгоценные образцы для подражания. Год 1118».

Дядюшка отдал Элоизу на воспитание в женский монастырь Святой Марии. Монастырь славился тем, что там жили несколько монахинь, обладавших поистине великой эрудицией. И Элоиза к четырнадцати годам не только читала, но и свободно говорила на латинском, греческом и еще на древнееврейском, что, по словам Абеляра, «уже никак не укладывалось в голове».

Слава о невероятных познаниях девочки достигла Нотр-Дама, вызывая восхищение у студентов. А непредсказуемая Судьба уже готовила почву для неизбежной встречи Абеляра с Элоизой. И такая роковая для обоих встреча состоялась.

Однажды каноник Фульбер пригласил Абеляра к себе домой, дабы продемонстрировать дорогому гостю два своих бесценных сокровища: обширную библиотеку и умницу племянницу. За столом, под звон бокалов, Абеляр словно невзначай осведомился, не сдадут ли ему внаем какую-нибудь спальню. За что обещал неплохо заплатить и к тому же бесплатно стать домашним учителем племянницы.

«Вначале нас соединила общая крыша, а потом уж жаркие сердца! – признавался Пьер. – Под предлогом занятий мы целиком отдавались любви; уроки для нас стали лишь теми минутами, когда нас влекла друг к другу таинственная, непреодолимая сила; в наших беседах сухие ученые слова вытеснялись нежными и любовными, объяснения трудных мест в текстах откладывались из-за страстных поцелуев...» А Элоиза вторила ему в своих письмах: *«Есть ли на всем свете хоть одна королева или принцесса, которая не завидовала мне?»*

Абеляр был для Элоизы знаменитым ученым, великим мыслителем, мудрым, красивым, обаятельным человеком – как же не подчиниться его малейшему капризу? Да, она его

любила. И Абельяр очень скоро понял, что влюблен так же глубоко и страстно, как и она, его Элоиза. Капкан любви захлопнулся, и оба оказались его пленниками на всю жизнь.

Все вокруг уже открыто называли Элоизу «любовницей» Абельяра, но она, как ни странно, этим только гордилась. А какая женщина на ее месте не испытывала бы гордости за связь с таким великим человеком? Она была счастлива оттого, что именно ей, круглой сироте, Абельяр отдал предпочтение перед всеми знатными, красивыми женщинами.

В Париже теперь все знали, что происходит в доме каноника Фульбера, кроме самого хозяина. Прошло несколько месяцев, когда наконец у него открылись глаза на то, чем на самом деле занимаются в его доме ученый постоялец и племянница. Однажды ночью Фульбер застал их и, потрясенный увиденным, указал совратителю на дверь.

После громкого скандала их ожидала долгая разлука. Теперь, лишившись возможности встречаться, возлюбленные тайно обменивались любовными письмами. Вскоре Элоиза поняла, что скоро станет матерью. Она с восторгом сообщила об этом Абельяру, спрашивая, как следует ей поступить. Будущий отец, конечно, понимал, что произойдет с Элоизой, если обо всем узнает ее опекун.

Однажды ночью Абельяр тайно проник в дом к своей возлюбленной и увез ее с собой в Бретань. Там вскоре родился сын, которого тут же отдали на воспитание дальним родственникам, и ни мать, ни отец больше никогда не увидели своего ребенка.

Угрызения совести, однако, не давали Абельяру покоя. Ведь, по существу, только он один был виноват в несчастьи старика и нравственном падении его племянницы. Он долго размышлял над тем, как избавиться от тяжкого греха, покуда, укротив гордость, полгода спустя после рождения сына решил пойти к несчастному, убитому горем канонику и просить прощения за содеянное. Призвав на помощь все свое красноречие, Абельяр выразил готовность жениться на Элоизе. Но лишь при одном условии: их брак будет сохранен в тайне.

Каково же было его изумление, когда Элоиза наотрез отказалась идти с ним под венец, хоть тайно, хоть явно! Наверное, никогда еще ни одна женщина с такой холодной рассудочностью не выступала против ритуала, который все женщины на свете считают венцом всех своих желаний.

Какую славу принесет она своему мужу, запальчиво возражала Элоиза, если тем самым покроет его бесчестьем и унизит как великого ученого? Элоиза живо нарисовала малопривлекательную картину скучной, повседневной супружеской жизни: грязные, орущие младенцы, вонючие пеленки, постоянные заботы об их пропитании. Разве приземленные домашние хлопоты приличествуют такому великому философу, каким является ее любимый?

Выдвинутые Элоизой в споре с Абельяром убедительные аргументы будут на протяжении столетий подхвачены многими выдающимися личностями, видевшими в браке лишь тяжкие оковы. Однако ни один из приводимых Элоизой аргументов в пользу отказа от брака не мог заставить Абельяра отказаться от женитьбы на ней.

Чувствуя, что Абельяр неумолим, Элоиза смирилась с его твердым решением и, раздавшись, произнесла весьма пророческую фразу: *«Нам ничего другого не остается, но подстерегающий впереди Рок принесет нам такие страдания, которые по своей мучительности могут сравниться только с пережитой нами страстной любовью»*...

И вот однажды, рано утром Элоиза с Абельяром обвенчались в присутствии нескольких близких друзей, давших торжественную клятву не разглашать тайну новобрачных. Сразу же после брачной церемонии они расстались. Абельяр возобновил курс лекций в университете, а Элоиза поселилась в монастыре Святой Марии. Абельяру было уже под сорок, Элоизе даже не исполнилось восемнадцати.

Хотя слухи о двух «великих грешниках» и их странном «тайном браке» немного поутихли, каноник Фульбер не смирился с похищением племянницы. Однажды ночью, когда

Абеляр спал, его подкупленный слуга открыл дверь на условный стук. На пороге стоял Фульбер и врач с медицинским сундучком. Набросившись на спящего Абеляра, они привязали его толстыми веревками к кровати и задрали ночную рубашку. В руках хирурга сверкнул острый скальпель. В ту же минуту острейшая боль в паху пронзила Абеляра...

Это преступление радикальным образом изменило жизнь влюбленных. Абеляр решил стать монахом и отослал несчастной, разбитой горем Элоизе письмо, в котором потребовал, чтобы и она постриглась в монахини в Аржентейе. *«Да будет на то воля твоя!»* – смиренно ответила Элоиза.

На этом кончается история любви – всеохватывающей, земной, физической и краткой, любви, которая длилась от силы два года... Но там, где она внезапно обрывается, начинается другая любовь – духовная, ибо и Абеляр, и Элоиза умели любить друг друга и на расстоянии. Здесь мы сталкиваемся с совершенно иной ипостасью любви, которая многим не только недоступна, но и непонятна.

Элоизе исполнилось всего девятнадцать, когда она по требованию Абеляра постриглась в монахини. Всего каких-то жалких восемнадцать месяцев ей было отпущено судьбой, чтобы почувствовать себя настоящей женщиной, вкусить от радостей жизни. Она стала аббатисой монастыря Аржентей. Конечно, Элоиза была обязана подавать во всем пример своим монахиням и не любить никого, кроме Бога. Но... Ни утомительные молитвы, ни насильственное умерщвление плоти не могли утолить ее любви к мужу.

Его любовь постепенно преодолевала отчуждение, и его визиты в монастырь участились. Увы, но и эти встречи с любимой вызывали у окружающих подлое подозрение. Абеляру приходилось горестно сокрушаться: *«Ненависть моих врагов такова, что, вероятно, не пощадила бы и самого Христа!»*. Он не раз признавался Элоизе, что опасается за свою жизнь. Давление на него со стороны Церкви усиливалось, и ему не оставалось ничего другого, как сдаться.

В 1141 году больной, разбитый, немощный шестидесятилетний калека, Абеляр пешком отправился в Рим, чтобы лично предстать перед папой Иннокентием II. По дороге он останавливался в монастырях, чтобы немного отдохнуть и набраться сил. Но истерзанному, измученному жизнью и великой любовью к Элоизе старику уже ничто не могло помочь. 12 апреля 1142 года смерть наконец обрекла его на «вечное молчание». Наконец Абеляр обрел покой, которого никогда не имел здесь, на грешной земле...

Скорбная весть о смерти ее возлюбленного мужа сразила Элоизу. Тело Абеляра привезли для захоронения в ее монастырь. Элоиза ухаживала за его могилой, покауда не присоединилась к нему. Она тоже прожила 63 года. Их останки в 1814 году перенесли в Париж и предали земле в одной могиле на кладбище Пер-Лашез.

Сохранилась прекрасная легенда об этой замечательной паре вечно влюбленных. Говорят, в тот момент, когда в могилу к супругу опускали тело Элоизы, Абеляр простер к ней руки, чтобы обнять ее. А может, сама Элоиза раскрыла свои объятия, чтобы навсегда принять в них любимого Абеляра. Это мог сделать каждый из них. Кто рискнет измерить на весах истории, чья любовь была сильнее?

«Королева божьим гневом...»

Мало можно найти в истории ранней средневековой Европы женщин с такой блистательной и такой трагической судьбой. Красавица, дочь герцога и сама герцогиня, она дважды стала королевой двух враждующих между собой стран, родила королей и королев, любила и ненавидела так, что история ее жизни превратилась в настоящий рыцарский роман.

И все это – Элинора Аквитанская.

Элинора была старшей из двух дочерей Уильяма X, герцога Аквитании и его супруги Аноре де Шателлеро. Единственный сын этой четы, соединившейся по династическим соображениям, умер в младенчестве, и Элинора стала наследной принцессой.

Когда Элиноре исполнилось пятнадцать лет, ее уже овдовевший отец отправился в дальнее паломничество, оставив дочь под покровительством и попечением архиепископа Бордо, одного из немногих людей, в честности и лояльности которых герцог не сомневался. Увы, паломничество для герцога Уильяма закончилось печально: он скончался от лихорадки, не достигнув заветных святынь.

Современники превозносили красоту Элиноор так, что даже в те времена, когда любая дама или девица была «прекрасной» по определению, внешность наследницы Аквитании превозносили до небес. Самое распространенное определение красоты Элиноор – *regulchra* – более, чем красивая. Бернар де Вантадур, знаменитый трубадур, воспел ее, тогда уже тридцатилетнюю, как «добрую, прекрасную, воплощение очарования», не забыл он и про ее «прекрасные глаза и благородное самообладание», достойные любой короны мира.

По описаниям современников и имеющимся изображениям, она была невысокой, стройной, с удлинённым лицом, большими темными глазами и густыми медно-рыжими волосами, из-за которых трубадуры выводили ее имя от слов *aigle en or* – «золотая орлица». Она очаровывала мужчин даже достигнув преклонного возраста.

И вот юная и прекрасная Элинора стала герцогиней Аквитанской, самой богатой и завидной невестой в Европе. Поскольку в те времена был очень распространен такой способ женитьбы, как похищение богатых и знатных наследниц, отец Элинооры проявил необходимую предусмотрительность, и в своем завещании назначил опекуном юной герцогини французского короля Людовика VI Толстого. Именно на него была возложена почетная и хлопотная обязанность найти юной герцогине достойного супруга.

Король Франции первоначально был не в восторге от возложенной на него миссии: ему хватало собственных хлопот. Здоровье ухудшалось, старший сын и наследник принц Филипп погиб из-за несчастного случая в одном из путешествий по стране, младший, Людовик, готовился стать священником и совершенно не желал возлагать на себя королевскую корону и уж тем более – жениться.

Несмотря на то, что французский король к этому времени был уже серьезно болен, известие о скоростижной смерти герцога Аквитанского стало для него живительным эликсиром. Обладая ясным и трезвым умом, Людовик Шестой понимал, что теперь в его руках находится одно из богатейших герцогств Европы, наследницей которого стала юная и неопытная девушка.

Король направил к Элиноре пышное посольство с приличествующими случаю выражениями скорби о ее утрате. Одновременно он готовил брак юной герцогини... со своим сыном. Если этот брак будет заключен, Аквитания войдет в состав французского королевства, а Элинора, оставаясь герцогиней Аквитанской, станет еще и королевой...

Существует красивая легенда о том, будто любила пятнадцатилетняя герцониня мужественного рыцаря Ричарда. Но родственники девушки восстали против мезальянса и убили Ричарда почти на глазах Элиноры, что навсегда ожесточило ее сердце. И... заставило согласиться на брак с французским дофином. Возможно...

Но если бы король Людовик Шестой знал, какие кошмарные последствия будет иметь этот брак для Франции в будущем, он немедленно женил бы своего сына на ком-нибудь другом и избавился тем самым от обязанностей опекуна. Но он видел только лучшее в Европе герцогство, которое принадлежало красивой и умной девушке. Наследный принц Людовик был немедленно отправлен в Бордо с эскортом в 500 рыцарей, и там епископ совершил обряд бракосочетания.

Мнения Элиноры спросили лишь для приличия, поскольку никто не сомневался в том, что она не станет противиться воле опекуна и ласковым увещаниям доброго епископа. Элинора прочла много книг, слушала множество песен менестрелей и трубадуров, но почти ничего не знала о реальной жизни. И уж конечно совершенно не любила своего мужа, который не обладал ни красотой, ни мужественностью, ни образованностью, а был лишь чрезвычайно набожен.

25 июля 1137 состоялось пышное венчание в городе Бордо, в соборе святого Андре, обряд совершал архиепископ. Дофин Людовик стал еще и герцогом Аквитанским, но... Но в брачном контракте умный король Франции предусмотрел пункт, согласно которому старший сын от этого брака наследовал обе короны: Франции и Аквитании, хотя герцогство оставалось формально независимым. Но помимо герцогства, в приданое входило и графство Пуатье, так что владения невесты были обширнее королевства ее жениха.

Оговорка – формальная независимость герцогства от королевства – сыграла впоследствии роковую роль. Ибо Людовику Шестому представлялось вполне логичным, что его будущий внук не станет декларировать независимость от самого себя, и Аквитания незаметно войдет в состав французского королевства. Логично, но... человек предполагает, а Бог располагает.

Элинору с детства всерьез интересовали политические и военные вопросы. Грациозная и изящная, она слыла прекрасной наездницей и отлично стреляла из лука. Кроме того, она была необычайно образованной для того времени, а недолгое время, проведенное ею при дворе ее дяди, графа Тулузского, навсегда приохотило Элинору к изящным песням менестрелей и трубадуров и к полной любви и света жизни южан.

Пока молодожены ехали из Бордо в Париж, скончался король Людовик Шестой. В столицу Франции Элинора въехала уже не дофиной, а королевой и сразу же была неприятно поражена скукой и пуританскими нравами, царившими при дворе. Муж оказался очень набожным, замкнутым и даже холодным. Страной управляли два влиятельных церковника – Одо и Бернард.

Королева попыталась переломить косность и чопорность парижской знати, чем, конечно, нажила себе серьезных врагов. В отместку аристократам она окружила себя поэтами, менестрелями и музыкантами, пытаясь таким образом скрасить свою жизнь. Король не принимал участия в развлечениях супруги, но смотрел на них сквозь пальцы, ибо... был влюблен в свою королеву. К тому же Элинора забеременела вскоре после свадьбы и Людовик нетерпеливо ждал появления на свет сына и наследника.

Увы, родилась девочка, получившая при крещении имя Мария, и ставшая впоследствии супругой графа Шампани. Она была копией своего отца – от прославленной красоты матери дочери не досталось ничего. Впрочем, и материнской любовью Мария тоже оказалась обделена: Элинора проявила поразительное равнодушие к своей первой дочери.

Гораздо больше времени и внимания она уделяла занятиям наукой. В Париже она посещала лекции знаменитых философов, теологов, правоведов и очень огорчалась оттого, что

ей не разрешалось принимать участие в диспутах слушателей: ей было что сказать практически по любому вопросу. Ничего удивительного: южные районы страны, вследствие сохранившегося античного наследия, были в те времена и богаче, и культурнее севера королевства. Молодая королева-аквитанка по праву считалась одной из образованнейших женщин своего времени. Тогда как ее венценосный супруг мог блеснуть разве что неплохим знанием богословских трактатов.

Тем не менее, Элинор отчаянно скучала в Париже. Изрядно досаждало ей и то, что высшее духовенство было крайне недовольно абсолютно мирской, жизнерадостной и пылкой южанкой, причем открыто высказывали свое недовольство ее супругу-королю. Тот, однако, был все еще влюблен в свою прекрасную королеву и потакал всем ее прихотям. Скуповатый по характеру, он не пожалел денег для реставрации и украшения новой резиденции королевы – дворца Ситэ.

Так прошло десять достаточно безрадостных лет. Наконец, судьба сжалилась над Элинор: Людовик VII, поддавшись уговорам духовенства, решил организовать крестовый поход в Палестину. Основной причиной, впрочем, был благополучно завершившийся конфликт с Папой Римским из-за назначения нового архиепископа Бургундии.

И не только с Папой. Кандидатуру, предложенную понтификом, поддержали многие знатные и могущественные сеньоры, в частности, граф Тибо Шампаньский. Король же настаивал на собственном избраннике – Пьере де ла Шатре. Чисто церковный спор обернулся двухлетней кровопролитной войной между королем Франции и графом Шампани.

Спор удалось уладить только после того, как посредницей между воинами и священнослужителями выступила сама королева. Она добилась того, чтобы Папа утвердил кандидатуру Пьера де ла Шартра в обмен на паломничество королевской четы на Святую Землю. Паломничество потребовали заменить Крестовым походом и Элинор, которую сильно беспокоило долгое отсутствие у нее детей, согласилась.

На Рождество 1145 король огласил свое намерение возглавить крестовый поход против неверных и помирился с графом Шампаньским. Элинор упростила мужа взять её с собой. И хотя её всегдашние враги Бернард и Одо были против участия женщины в походе, она смогла победить, в чём ей немало помогли аквитанские рыцари, не слишком охотно шедшие на службу в королевское войско. Только личное участие любимой правительницы в предприятии подвигло многих поступить на службу к Людовику.

В 1147 году поход, наконец, начался. Но воодушевление и эйфория первых дней быстро пошли на спад. Людовик был абсолютно бездарным военачальником, дисциплина в его войске практически отсутствовала, а бытовые условия были просто ужасными. Элинор совершенно не была готова к тому, что по ночам ей придется мерзнуть в грязных палатках, а на привалах есть грубую и невкусную пищу. С иронической усмешкой вспоминала она некогда любимые баллады, в которых воспевались прежние крестовые походы. Судя по всему, авторы этих шедевров знали о настоящих походах лишь понаслышке, а остальное было лишь плодом их поэтического воображения.

Даже утешиться в объятиях супруга не удавалось: «королевские смотрители» позаботились держать Людовика подальше от супруги, мотивируя это тем, что «плотские радости неуместны в святом деле». Набожный король, разумеется, послушался.

Увы, особой пользы походу его добровольное воздержание не принесло. Неприятности начались еще в Восточной Европе: византийский император Михаил Коммус не очень обрадовался прибытию в Константинополь толпы вооруженных рыцарей. Кроме того, он опасался, что в случае неудачи крестового похода неверные отыграются прежде всего на Византии. Поэтому он разместил непрошенных гостей вне города и сообщил им, что нужно поторапливаться: немецкий император Конрад одержал блестящую победу над последователями Магомета и уже мечтает о захвате Гроба Господня.

На самом деле, когда французы двинулись дальше на юг, они обнаружили лишь жалкие остатки немецкой армии во главе с тяжело больным Конрадом. Тем не менее, Людовик приказал двигаться дальше – на Антиохию, которой и достигли в сочельник. Турки, по-видимому предупрежденные, устроили засаду и попытались разделаться с французами так же, как перед этим с немцами, но потерпели неудачу и отступили. Французам же достался уже обустроенный лагерь, где они и расположились – с минимальным комфортом.

И тут неожиданно пришли помощь и поддержка: к Антиохии прибыл дядя Элинор, Раймон Тулузский со своим прекрасно экипированным войском и большим обозом. Королева так обрадовалась новой одежде и нормальной еде, что обычно флегматичный Людовик принял ликование жены за некое не вполне родственное чувство по отношению к дядюшке, и приказал немедленно выступить на Иерусалим.

Его воодушевление не встретило понимания даже у ближайших советников: все твердили о необходимости повременить, отдохнуть, восстановить силы. Но на короля доводы здравого смысла уже не действовали: он находился во власти слепой ревности и приказал королеве сопровождать его в этом походе. Элинор попробовала отказаться – тщетно. Когда слабый человек вдруг заупрямится, это становится настоящей катастрофой.

Штурм Иерусалима, как и следовало ожидать, закончился провалом. А Элинор прониклась к своему незадачливому супругу острой неприязнью. Все это было тем более некстати, что королева оказалась, наконец, в тягости, и это стало самым весомым аргументом для возвращения в Париж.

Бесславного возвращения.

Ожидали, что за подвиг крестового похода, пусть и неудачного, Господь пошлет Франции дофина. Но вместо этого в 1151 году на свет появилась вторая дочь – Алиса Французская, которая впоследствии вышла замуж за Тибо V Доброго, графа Блуа и Шартра.

Элинор испытывала ко второй дочери ничуть не больше материнской любви, чем к первой, а мрачный французский двор ей вконец опостылел. Недолго думая, она отправилась «погостить» к своему любимому дяде в Тулузу. Однако очень скоро до короля начали доходить слухи о чрезмерно веселой жизни Элинор при Тулузском дворе, где ее окружали трубадуры, музыканты и молодые рыцари. Он обвинил жену в супружеской неверности и отправил Папе прошение о разводе.

Правда, существует и другая версия: с инициативой развода выступила Элинор, которая не желала возвращаться к опостылевшему мужу и возобновлять попытки родить ему наследника. Супружеская неверность была не слишком убедительным поводом для развода в глазах церкви: пришлось сослаться на кровное родство в пределах четвертой степени.

Господи, да в таком родстве (или еще более близком!) состояли едва ли не все коронованные особы Европы!

Тем не менее, развод был получен. В марте 1152 года Элинор получила свободу и свои земли, оставив бывшему супругу двух дочерей, признанных законными принцессами королевской крови.

Элинор с восторгом вернулась в родную Аквитанию. Пытаясь наверстать радости жизни, которых она была практически лишена в браке, она принялась устраивать грандиозные празднества в роскошном дворце. Меньше всего ее заботила потеря королевского титула – это с лихвой компенсировалось в ее глазах свободой. Герцогиня всячески поощряла рыцарские традиции, культивировавшие возвышенное отношение к даме и поклонение ей, оказывала покровительство поэтам, музыкантам, художникам. Вскоре её двор стал самым великолепным двором тогдашней Европы.

Но оказалось, что у свободы есть и неприятные стороны. Один за другим два знатных и могущественных сеньора – Теобальд V, граф Блоисский и Жофрей, граф Нантский –

попытались похитить Элино́р, чтобы жениться на ней: она снова стала богатой и завидной невестой. Брак не привлекал герцогиню, да и сердце ее уже было занято...

Элино́р влюбилась в Генри́ха Плантагенета, графа Анжуйского и герцога Норманского, веселого, красноречивого, отважного и страстного юношу. Единственное, что смущало прекрасную даму – молодость ее избранника: Генриху исполнилось всего лишь 19 лет и он был моложе герцогини Аквитанской почти на 12 лет. Но союз с ним – союз по страстной любви – означал освобождение от докучливых искателей ее руки и земель. К тому же молодой красавец был наследником английского престола. Именно это и стало решающим: через полтора месяца после развода Элино́р вступила во второй брак, а через полгода после свадьбы... родила первенца, названного Вильгельмом, в честь его великого деда.

Через несколько дней после этого знаменательного события скончался король Англии Стефан, дядя Генри́ха Плантагенета, и в декабре 1154 года прекрасная Элино́р стала королевой Англии. Супруги высочайше пренебрегли тем, что состояли в кровном родстве, так как оба были потомками Роберта II Нормандского. Европа была скандализирована, но с королем Англии, герцогом Норманским и Аквитанским, графом Пуатье желающих связываться не оказалось. Высшее духовенство предпочло промолчать вообще.

Новоиспеченная королевская чета приступила к правлению с большим энтузиазмом – как в государственных делах, так и в личной жизни. Генрих с головой окунулся в исправление законодательства в стране и вошел в историю под именем Генри́ха законодателя. Помимо этого он много ездил по стране, сурово подавлял возникавшие мятежи и... более чем исправно посещал опочивальню своей прекрасной королевы.

За тринадцать лет Элино́р родила своему супругу пятерых сыновей и трех дочерей: Вильгельма, Генри́ха, Ричарда, Джеффри, Джона, Матильду, Элино́р, и Джоан. Увы, первенец умер в младенчестве, а третий сын – Ричард – был, по мнению его матери, куда более подходящим наследником престола, чем его старший брат. Король не разделял ее мнения: он одинаково относился ко всем своим сыновьям, а вот к супруге уже начал охладевать.

Супругов, однако, объединяло злорадство по поводу неудач на брачном поприще первого мужа Элино́р. Через два года после развода французский король женился на инфанте Констанции Кастильской, которая, увы, скончалась родами после шести лет брака, произведя на свет двух... дочерей.

– Похоже, этот святоша умеет делать только девчонок, – презрительно заметил Генрих, узнав о рождении четвертой по счету французской принцессы.

Элино́р, кормившая грудью очередного сына, звонко расхохоталась. Но веселье прекратилось, когда она узнала, что ее бывший супруг, женившийся в третий раз с неприличной поспешностью (всего через пять месяцев после смерти королевы Констанции) на Адели Шампаньской, стал, наконец, в 1165 году отцом долгожданного сына – Филиппа-Августа.

Спустя пять лет после этого английскому королю вздумалось еще при собственной жизни короновать наследника престола пятнадцатилетнего Генри́ха, герцога Норманского. Сохранилась легенда о том, что на торжественном пиру виновнику торжества прислуживал сам король, не преминувший подчеркнуть, какую высокую честь он оказывает своему сыну. На что тот якобы дерзко ответил:

– Нет ничего невероятного в том, что сын графа прислуживает сыну короля.

Говорят, что королева Элино́р хохотала от души, а смех короля Генри́ха был несколько принужденным.

Коронованного наследника прозвали «Генрих Молодой Король». Он не слишком интересовался ежедневными заботами правителя или тонкостями военного искусства, предпочитая проводить большую часть своего времени на турнирах или же вмешиваясь в личные дела своих братьев.

Британский историк У. Л. Уоррен писал о нём:

«Молодой Генрих был единственным из своей семьи, кто был популярен в свои дни. С другой стороны, верно, что в то же время он был единственным, кто не продемонстрировал ни малейших признаков политической проницательности, полководческого таланта и даже просто ума...».

В более поздней книге Уоррен развил мысль дальше:

«Он был великодушен, милосерден, учтив и обходителен, воплощение щедрости и благородства. Он также был глуп, тщеславен, легкомыслен, пустоголов, некомпетентен, недалководиден и безответственен».

Спустя несколько лет после коронации Молодой Генрих рассорился с отцом и при полной поддержке матери и братьев попытался в затяжной гражданской войне низложить короля и занять престол. Попытка провалилась, сыновьям пришлось укрываться от королевского гнева на континенте, то есть в Нормандии, Аквитании и даже Франции. Там Молодой Генрих и умер вскоре от дизентерии, а его отец, получив печальное известие, произнес:

«Он дорого мне обошёлся, но как я хотел бы, чтобы он обошёлся мне ещё дороже, оставшись жить!»

Второй сын, любимец матери, Ричард, тоже доставлял отцу немало хлопот. Элинор настояла, чтобы Ричард получил во владение Аквитанию и торжественно повезла туда нового герцога своей прекрасной родины. Вернувшись же в Англию, с изумлением обнаружила, что ее место в сердце супруга заняла некая девица Розамунда, и что ее красоту теперь воспевают по всей стране. Вне себя от гнева и ревности Элинор совершила роковую ошибку: приказала отравить соперницу. Но вместе с Розамундой умерли и остатки чувств короля к супруге: он приказал ей покинуть дворец и поселиться в уединенном замке. Оттуда то и потянулись нити заговора, приведшие к гражданской войне короля с сыновьями.

За эту провинность Элинор была наказана еще более жестоко: не ссылкой, а шестнадцатилетним заточением в Шрусбери, откуда ее привозили в королевский дворец только на Рождество. Впрочем, детям не запрещалось встречаться с матерью, хотя они редко пользовались этой возможностью.

Старшая дочь Матильда вышла замуж за герцога Саксонского, вторая дочь – Элинор – за короля Альфонсо Кастильского. Браки своих детей Генрих II устраивал с тем, чтобы расширить владения или обеспечить прочные союзы с соседними монархиями. Свою младшую дочь Иоанну он просватал еще в трехлетнем возрасте за короля Сицилии Вильгельма II Доброго, тоже еще несовершеннолетнего.

Венчание состоялось лишь тринадцать лет спустя, причем по отзывам современников, брак был счастливым, а само царствование Вильгельма II осталось в памяти сицилийцев «золотым веком». Но королевская чета так и не произвела на свет наследника, что стало причиной последующего падения Норманнского королевства в Южной Италии.

Иоанна осталась вдовой, но сохраняла этот статус не слишком долго. Ее дальнейшая судьба была очень тесно связана с судьбой ее старшего брата Ричарда, прозванного современниками «Львиное сердце» за храбрость.

Освободившись от некогда обожаемой супруги, Генрих стал менять любовниц чуть ли не раз в полгода, причем каждая последующая была моложе предыдущей и наплодил невероятное количество внебрачных детей (включая и тех, которые родились у него до заточения Элинор от женщин по всей стране).

Это было, пожалуй, его единственным утешением: выросшие сыновья были, мягко говоря, непочтительны к отцу. А королева рассылала письма своим вассалам и друзьям, подписываясь: «Божьим гневом королева Англии». Настроение Генриху это тоже не улучшало, а тут еще скончался единственный из сыновей, не приносящий ему особых хлопот – Джеффри, герцог Бретонский и Ричмондский.

Этот герцог, унаследовавший цвет волос своей матери (за что получил у трубадуров прозвище «Рыжий») сам писал стихи и покровительствовал изящным искусствам. Между ним и тронем был только Ричард, но Джеффри горячо надеялся на то, что бремя власти перейдет все-таки к старшему брату, совершенно не желая царствовать. Его желание сбылось: он скончался сравнительно молодым от лихорадки, оставив после себя вдову Констанцию, урожденную девицу де Пентьевр, и двух детей – дочь и сына Артура, которому дед сохранил герцогство Ричмондское.

Покинул земной мир и король Франции Людовик Седьмой: на престол взошел его единственный сын Филипп-Август. Уже в последние месяцы жизни своего отца пятнадцатилетний юноша умел показать свою самостоятельность. Самым близким к нему человеком был граф Фландрский, руководивший его рыцарским воспитанием. По его совету Филипп без ведома матери женился на Изабелле де Эно, родственнице и предполагаемой наследнице графа Фландрского – самого могущественного барона.

Энергичный и даровитый, Филипп прекрасно понимал всё неудобство своего положения. Его домен был отовсюду окружен владениями могущественных баронов, стеснявших свободу его действий и служивших постоянной угрозой самому существованию королевства. В частности, владения английского короля втрое превосходили по пространству владения самого Филиппа.

Филипп рано поставил себе целью округлить свою территорию; к этой цели он шёл прямо и неуклонно, пользуясь малейшим поводом. Его внешняя политика – политика собирания, внутренняя – политика укрепления за собой завоеванных областей. И Филипп одинаково легко справлялся как с одной, так и с другой задачей. Он обнаружил и талант полководца, и искусство дипломата, и мудрость законодателя и организатора, сумев привлечь на свою сторону сыновей Генриха II, управлявших его континентальными владениями. С их помощью он справился с врагами.

Впрочем, пока был жив Генриха II, Филиппу не удалось достигнуть ни одного сколько-нибудь важного результата. Он постоянно поддерживал раздоры между сыновьями Генриха и им самим, ослабляя, таким образом противника и подготавливая почву для решительного удара. И он не без оснований опасался того, что после смерти старого короля ему станет только труднее: из заключения выйдет королева Элинор, а от этой дамы можно было ожидать чего угодно.

Генрих II скончался в июле 1189 года и королем был провозглашен Ричард. Первым его приказом было – немедленно освободить из заточения королеву Элинор. Но уже сама весть о кончине старого короля распахнула двери ее темницы, и все еще прекрасная Элинор поспешила навстречу к своему любимцу.

В Вестминстере ей торжественно присягнуло на верность большинство лордов, что не было пустой формальностью: король Ричард собирался немедленно отправиться в Крестовый поход и оставлял мать править Англией от его имени. Элинор было почти семьдесят лет, но она сохранила ясность ума и стройность стана.

Она не зря так восхищалась любимым сыном. Новый король был исключительно храбрым и талантливым воином. Он вырос в ее владениях – Аквитании – и был воспитан на куртуазной культуре ее двора. И невесту себе выбрал по совету матери – Беренгарию Наваррскую. Элинор лично привезла будущую невестку в Мессину, откуда должны были отплыть корабли крестоносцев.

Шел Великий Пост, и венчание было невозможно. Поэтому решили, что Беренгария присоединится к Ричарду в крестовом походе, и они сочетаются браком позже. Беренгарию в путешествии должна была сопровождать дама её ранга, а, поскольку Элеонора была уже в преклонных годах, спутницей Беренгарии стала сестра Ричарда, вдова короля сици-

лийского Иоанна. Венчание состоялось на Кипре, откуда новобрачные в сопровождении Иоанны, отправились к Акре.

В крестовый поход Ричард отправился со своим новым союзником – королем Франции, хотя Элинор и предостерегала его от сближения с этим хитрым и коварным государем. И предчувствия ее не обманули, хотя первоначально все шло как будто гладко.

Поняв, что крестоносцы вряд ли смогут овладеть Иерусалимом и тем более удержать его, Ричард Львиное Сердце, начал переговоры с султаном Саладином. Одним из вариантов примирения двух врагов был брак между братом Саладина, и Иоанной, сестрой Ричарда, при этом новобрачные должны были совместно править Святым городом. Проект, который мог зародиться только в романтической голове воспитанника Аквитании.

Иоанна наотрез отказалась выходить замуж за мусульманина и вернулась вместе с невесткой Беренгарией во Францию. Там Иоанна вышла замуж за могущественного графа Тулузского Раймунда Шестого. В этом браке Иоанна родила троих детей. В 1199 году беременная третьим ребёнком Иоанна, которая правила графством в отсутствие мужа, стала жертвой заговора мятежных баронов и была вынуждена бежать в Руан, где и скончалась в родах.

Несмотря на громкие победы над турками, принесшие ему славу и навеки оставившие его имя в истории, Ричард оказался преданным своим августейшим союзником. Едва была взята Акра, как Филипп вернулся во Францию, поклявшись Ричарду, что не будет нападать на его владения. Он сдержал слово, но затеял какие-то таинственные переговоры с младшим братом Ричарда – Иоанном. Прослышав про это, Ричард поспешил назад в Англию, но на пути попал в руки своего врага, императора Леопольда Австрийского и был заключен в темницу.

Леопольд запросил огромный выкуп за своего царственного пленника, и Элинор сама собрала нужную сумму и лично отправилась через всю Европу освобождать своего любимца. Она надеялась, что Ричард успокоится и будет настоящим королем для Англии, но тому не сиделось на месте, и в том же страшном для Элинор 1199 году он был убит в какой-то незначительной стычке в Нормандии, не оставив после себя потомства.

Английский трон унаследовал последний сын Элинор – Иоанн. Это был жестокий, неумный человек, которого королева не любила, и тот платил ей тем же. Его правление считается одним из самых бесславных за всю историю Англии – оно началось с завоевания Нормандии французским королем Филиппом Августом и закончилось гражданской войной. С тех пор ни один английский монарх не называл своих наследников этим именем.

Более известный по многочисленным историческим романам как «принц Джон», Иоанн и в реальной жизни был малоприятной личностью. В ответ на объявление Ричардом в 1190 году своим наследником племянника Артура, Иоанн сделал все, чтобы помешать этому. Узнав, что Ричард по возвращении из похода был захвачен в плен, Иоанн попросил австрийского императора как можно дольше не выпускать брата, а сам заключил союз с французским королем и попытался узурпировать английский трон.

Возвращение Ричарда в 1193 году стало для него неприятным сюрпризом и стал готовить мятеж против брата, но попытка бесславно провалилась. Ричард отправил Иоанна в изгнание и конфисковал его земли. Но в 1195 году король помиловал его и... объявил наследником престола. Постичь логику рассуждений этого «рыцаря без страха и упрека» невозможно.

В отличие от старших братьев Иоанн, хотя и был любимым сыном Генриха, не получил от отца ни одного из обширных земельных владений во Франции, за что он и был прозван «Безземельным». Однако ему достались значительные владения в Англии и было даровано владение Ирландией.

Иоанн женился на Изабелле, наследнице графства Глостер. У них не было детей, и вскоре после его коронации их брак был расторгнут на основании... кровного родства. На престол Иоанн взойшёл после смерти Ричарда в 1199 году, хотя у его племянника Артура, сына старшего покойного брата Иоанна Джеффри, формально было больше прав стать королем, и многие нормандские аристократы во Франции отказались поддерживать Иоанна.

Однако Артур вырос на континенте, поэтому население острова хотело видеть королем хоть и нелюбимого, но родного Иоанна. Бароны, понимая свое слабое положение, обратились за помощью к французскому королю, вассалом которого был Иоанн в своих французских владениях. Кроме того, в 1200 году Иоанн женился на Изабелле Ангулемской, уведя ее из-под венца у своего вассала Гуго X де Лузиньяна, который тоже стал жаловаться Филиппу Августу.

Элинор не слишком любила Иоанна, но к своему внуку по каким-то непонятным причинам относилась еще более прохладно. Поэтому она приняла сторону сына, когда в 1202 году Филипп Август призвал Иоанна появиться при французском дворе, а когда тот отказался, вторгся в Нормандию и даровал Артуру почти все владения Иоанна во Франции.

В ходе войны Артур осадил свою бабушку Элинор в замке Мирабо, но 80-летняя дама так организовала его оборону, что защитники продержались до прихода Иоанна со своими войсками. Артур был взят в плен и заключен в замок в Руане. Дальнейшая судьба его неизвестна, хотя Иоанн, конечно, подозревается в его смерти.

В этой войне Англия потеряла значительную часть своих владений на континенте. Но Элинор удалось невероятное: путем использования дипломатических ухищрений, подкупов, лести и всего своего богатого жизненного опыта, она устроила брак своей внучки Бланки Кастильской с сыном и наследником короля Франции Людовиком и примирила таким образом царствующие дома двух держав.

Легендарная королева пережила всех своих детей, за исключением английского короля Джона и королевы Кастилии Элинор, а под конец жизни удалилась в аббатство Фонтевро, где и скончалась в возрасте восьмидесяти двух лет, что по тем временам составляло немислимую продолжительность жизни. В 1204 году ее погребли рядом с ее супругом Генрихом и любимым сыном Ричардом.

Но особое положение Аквитании еще долгие века было причиной многочисленных войн и конфликтов между двумя державами, королевой которых была Элинор.

Необыкновенная женщина, необыкновенная судьба...

Бессмертие.

Изабелла католическая королева

Другой такой женщины в Испании, пожалуй, не было. Рожденная на ступенях трона, но очень рано осиротевшая, отвергнувшая брачные предложения всех европейских дворов и сама избравшая себе супруга-единомышленника, с одинаковым изяществом носившая и парадные платья, и воинские доспехи, королева Кастилии и Арагона Изабелла – уникальна. В ее правление была установлена практически абсолютная монархия, появилась святая инквизиция, пала Гранада – последний оплот мусульман на Иберийском полуострове и тем самым завершилась, наконец, Реконкиста, а евреи и мавры были изгнаны из Испании, Колумб получил высокое покровительство и открыл Америку...

И все это совершила стройная, хрупкая женщина, мать пятерых детей, примерная супруга и католичка, легендарная Изабелла Кастильская.

Отец Изабеллы, король Хуан II Кастильский, был женат дважды. Первый раз он женился на своей кузине, Марии Арагонской, когда ему исполнилось всего пятнадцать лет. Разрешение на брак столь близких родственников было не без труда получено от Рима, но счастья королевской чете это не принесло. Три дочери умерли в младенчестве и лишь сын Энрике, третий по счету ребенок, благополучно достиг совершеннолетия и был официально объявлен наследником престола.

Когда Энрике было двадцать лет, умерла его мать, а отец через два года женился на Изабелле Португальской, которая за четыре года брака родила ему двоих детей – дочь Изабеллу и сына Альфонсо. 20 июля 1454 года король Хуан II умер, оставив трон своему старшему сыну Энрике IV.

Если бы род Энрике не был продолжен, то на престол взошёл бы младший брат Изабеллы – Альфонсо, так как мужчинам отдавалось первенство вне зависимости от старшинства. Так что Изабеллу не воспитывали как будущую королеву, да еще сослали вместе с матерью и братом в захолустный городок Аревало, где над сотней домишек высился старинный, продуваемый всеми ветрами замок.

В этом почетном затворничестве мать Изабеллы в конце концов сошла с ума, но успела дать своим детям хорошее образование и передать свою необыкновенную набожность. Изабелла принадлежала к знатнейшему в Испании дому Трастамара, но внешне никак не походила на испанку: у нее были светлые волосы и зеленовато-серые глаза. Небольшой рост и хрупкая фигурка так же не позволяли восхвалять красоту принцессы, так что придворные трубадуры обходили ее своим вниманием. Никто не знал, что за этой внешностью скрывается стальной характер и несгибаемая воля. Если ее что-то и беспокоило, то судьба ее будущих детей: Изабелла опасалась, что сумасшедшие матери может оказаться наследственным, тем более, что были бесчисленные примеры при других европейских дворах.

Изабелле было десять лет, когда ее мать скончалась и жизнь принцессы резко изменилась. Король Кастилии Энрике IV, её сводный брат, пожелал видеть Изабеллу при королевском дворе в Сеговии. Не то, чтобы он очень любил сестру, но рассчитывал выдать ее замуж, исходя из интересов Испании. Во всяком случае, таковой была официальная версия.

Неофициальные же причины приглашения принцессы ко двору были куда менее приятными. Ее сводный брат-король вторично женился после долгого и скандального развода с Бланкой I Наваррской. Причиной развода называлось бесплодие королевы, но церковный суд официально засвидетельствовал ее девственность и расторг брак «из-за неисполнения супругом своего долга». И вскоре буквально вся Кастилия знала, что Энрике импотент, его даже так и называли Энрике бессильный – Enrique el impotent.

Вторично Энрике женился на Жуане Португальской, которая довольно быстро сблизилась с многолетним фаворитом короля Бельтраном де ла Куэва и вскоре объявила о своей беременности, а в должное время родила дочь, нареченную Хуаной. Говорили же, что дочь эта у королевы от любовника. Её так и прозвали – Хуана Бельтранеха (Juana la Beltraneja).

И вообще в пользу того, что Энрике был бесплоден, было слишком много доказательств. Сажать на престол королеву сомнительного происхождения никому не хотелось. К тому же существовал младший сводный брат – Альфонсо, вокруг которого и сплотилась оппозиция. Так что король Энрике, желая держать возможных претендентов на трон у себя на глазах, лишь облегчил инфанту Альфонсу установление связей с грандами Кастилии. Четырнадцатилетний юноша с восторгом ринулся в интриги и борьбу, которые могли принести ему корону.

А Изабелла... отказалась даже обсуждать эту тему, когда ее родной брат внезапно скончался (по некоторым сведениям, был отравлен). Не по годам мудрая принцесса понимала, что это приведёт к междоусобице. Она заявила, «не буду претендовать на престол при живом законном монархе – моем нежно любимом брате Энрике IV». И уединилась в библиотеке своего отца Хуана II, славившегося любовью к книгам; конечно, она отдавала дань античной классике, но на первом месте были религиозные книги, в первую очередь, Евангелие. А за стенами библиотеки обстановка при дворе, да и во всей стране, оставляла желать лучшего. Возможно, именно в эти годы уединения, Изабелла твердо усвоила для себя, как править НЕ следует.

Столь же тверда была Изабелла в своих отказах выйти замуж по выбору и воле царственного брата. Короля Португалии Альфонса V Африканца Изабелла немедленно отвергла при личной встрече в королевском монастыре Святой Марии Гваделупской в 1464 году из-за большой разницы в возрасте: инфанте было 13 лет, а Альфонсо 32 года. Вторым – без объяснения причин – был отвергнут сын Хуана II Арагонского Карлос де Вьяна, третьим – шёл гроссмейстер ордена Калатравы дон Педро Хирон Пачеко, друг детства Энрике IV. Изабелле исполнилось 16 лет, когда Эдуард IV, король Англии, предложил ей в мужья своего брата, а французский король Людовик XI своего – Шарля Гуйенского, герцога Берри. Все варианты были отвергнуты: Изабелла мечтала быть королевой, а не невесткой короля.

Так что характер будущей королевы Кастилии дал о себе знать с раннего возраста. Она с самого начала считала, что если муж будет ровесником ей, только тогда она сможет независимо управлять Кастилией, избежав при этом нежелательного влияния супруга. А в том, что она будет королевой, инфанта, похоже, не сомневалась: она опиралась на очень серьезную оппозицию. Эта уверенность подкреплялась ещё и договором, который был подписан ею с королем Энрико 14 апреля 1468 года, и гласил, что Изабелла официально является наследницей престола Кастилии.

Но на этом борьба за престол не закончилась. Многие в Кастилии желали воцарения дочери Энрике IV – Хуаны. И это было бы вполне законно, если бы не одно но: сомнения в законности происхождения принцессы. Кончилось тем, что 18 сентября 1468 года Изабелла получила официальный титул Принцессы Астурийской. Этим также было окончательно подтверждено право Изабеллы наследовать кастильский трон. А Бельтранеха была выдана отцом за португальского короля Альфонсо, бывшего соискателя руки Изабеллы. Но этот брак был аннулирован папой римским из-за близкого родства: Альфонсо приходился своей супруге родным дядей, братом ее матери.

Тем временем, Изабелла по совету архиепископа Карильо выбрала себе мужа: инфанта Арагона Фердинанда, который был на год моложе нее. Изабелла всё взвесила, обдумала и дала согласие – её этот вариант наиболее устраивал. 7 января 1469 года Фердинандом был подписан договор, по которому он давал обязательство во всём тесно сотрудничать с Иза-

беллой, совместно с ней принимать все решения, подписывать все указы вместе с королевой и признавать законной носительницей короны только Изабеллу.

Таким образом, кастильская сторона, сама Изабелла в первую очередь, застраховались от чрезмерного влияния Фердинанда в Кастилии. Влияние Изабеллы в Арагоне, кстати, вообще никак рассматривалось, что, в свою очередь, очень устраивало арагонцев.

Только когда в сентябре 1469 года все договоры были подписаны и назначена примерная дата свадьбы, в известность о происходящем был поставлен король Энрике IV. Который, как легко догадаться, не пришел в восторг от самостоятельности своей сводной сестры и наследницы престола. Так что во избежание неприятностей венчаться нужно было тайно.

Широко известна история о том, как Фердинанд под видом слуги купца добрался до Вальядолида. Так же инкогнито 14 октября 1469 года туда прибыла и Изабелла. Это была первая личная встреча будущих супругов и Католических королей. Через пять дней, 19 октября, архиепископ Карильо обвенчал Изабеллу и Фердинанда. Правда, так как супруги приходились друг другу родственниками (их дедушки, Энрике III Кастильский и Фердинанд I Арагонский, были родными братьями), требовалось разрешение папы, а его получить не удалось.

Тем не менее, примерная католичка Изабелла отмахнулась от такого пустяка, поддержал ее и жених, столь же примерный католик. Свадьба состоялась, а необходимый документ был самым грубым образом подделан. Только спустя почти два года, 1 декабря 1471 года, он был задним числом подписан следующим папой Сикстом IV. К этому времени, 2 октября 1470 года у Изабеллы и Фердинанда родился их первый ребёнок – Изабелла Арагонская и Кастильская, будущая королева Португалии.

Энрике объявил сестру нарушившей договор и по причине этого лишённой престола. Но сторонники Изабеллы поднялись в защиту её прав, и междоусобные войны возобновились. Неизвестно, чем закончилось бы дело, но в 1474 году король Энрике IV умер, и кортесы (региональные сословно-представительные собрания) признали Изабеллу королевой. Она была коронована в соборе Сеговии, а на главной городской площади поклялась перед Богом, всеми святыми и перед Святой церковью в верности Кастилии во время своего служения.

16 декабря кортесам было передано требование явиться в Сеговию, чтобы принести присягу на верность новой королеве. При этом Изабелла опиралась на акт, подписанный Энрике, в котором он официально признавал её законной наследницей трона. В эти дни она показала настоящую решимость, твёрдость своего характера, умение принимать решения чётко, быстро и в тоже время продуманно. Всеми силами молодая королева пыталась избежать начала новой гражданской войны в стране.

И, тем не менее, война за кастильское наследство не заставила себя ждать. Главным претендентом на престол был, разумеется, португальский король, женатый на Хуане, дочери покойного Энрике, который выступал от имени своей супруги... все еще не признанной, между прочим, Ватиканом законной. Но это не помешало добиться возмущения грандов в провинциях – Эстремадуре и Андалусии.

Фердинанд, узнав о том, что его супруга стала, наконец, королевой, забыл все предыдущие договоренности и тоже предъявил права на кастильский трон. Мудрая Изабелла сумела добиться того, что ее супругу был дан королевский титул, она же объявлялась королевой и «владелицей» Кастилии. Право определения наследника престола также осталось привилегией Изабеллой.

Но во внутренней политике Кастилии супруги выступали как одно лицо, а политикой внешней занимался исключительно Фердинанд. Тем не менее, оба королевства продолжали сохранять автономию – их институты власти, а также другие социальные и экономические структуры были полностью отдельными, в Кастилии и Арагоне даже говорили на разных языках.

В октябре 1479 года Португалия потерпела поражение при Торо, Альфонс V отказался от своих претензий на Кастилию, его брак с Хуаной Бельтранехой был аннулирован. Еще до этого, в 1478 году была создана Святая инквизиция, которую возглавил Томас Торквемада, и которая занялась наведением порядка внутри государства.

За всеми этими важнейшими делами не был забыт и вопрос продолжения династии. Всего у Изабеллы и Фердинанда было пятеро детей. Вслед за старшей дочерью Изабеллой в 1479 году родились сын Хуан и дочь Хуана, в 1482 году появилась на свет инфанта Мария, в 1485 году – инфанта Катерина, будущая злосчастная супруга английского короля Генриха Восьмого.

В том же 1492 году Изабелла встретила Колумба и одобрила его планы. Она понимала, что гарантии нет никакой, учёный совет, который она собрала для обсуждения колумбовского замысла, подверг его жёсткой критике. Но всё-таки Изабелла поверила Колумбу и этим обеспечила будущий непродолжительный взлёт Испании. Впрочем, о встрече королевы со знаменитым мореплавателем написаны сотни, если не тысячи книг, так что вряд ли есть смысл повторять уже известное.

А вот о менее известном, пожалуй, не мешает напомнить. При правлении Изабеллы начало активно развиваться просвещение. Она сама любила книги и собрала хорошую библиотеку, в которой находилось множество бесценных книг и манускриптов. Развивалось книгопечатание, появлялись первые поэты и драматурги.

Из-за того, что искусство и литература именно в Кастилии пользовались покровительством Изабеллы, кастильский язык стал основным для Испании, именно на нём писались все произведения. Правда, народ по большей части был безграмотен, и до него литература доходила через рассказчиков и маленькие уличные театры. Да и не все гранды считали уместным для себя увлечение чтением, предпочитая реализовывать свою многовековую привилегию – абсолютное безделье. Но толчок развитию испанской культуры был дан, без него не появилось бы впоследствии ни Сервантеса, ни Лопе де Вега, ни многих других.

С другой стороны, интеллектуальный потенциал государства очень сильно пострадал от изгнания иноверцев. До завершения Реконкисты евреи составляли большой процент среди грамотного населения Кастилии. Мориски (так назывались крещёные мусульмане) также имели большое культурное и историческое влияние на страну. С их отъездом оборвались культурные связи Испании с другими странами, находившимися южнее и восточнее. Да и от «культурного обмена» с европейскими соседями наследники Изабеллы долгие годы (если не века) уклонялись.

При жизни Изабеллы все это выражалось весьма умеренно, поскольку королева была известна умом, энергией, возвышенным и непреклонным характером, отличалась упорством, богобоязненностью и самонадеянностью. Она проводила время то в походах, где, сидя на лошади, сама нередко командовала отрядами, то в кабинете, где вместе со своими секретарями занималась чтением и составлением государственных бумаг. Боевые доспехи она носила с таким же изяществом, как и парадные платья, а с пером управлялась не хуже, чем с иглой и пальцами, если не лучше. Хотя вышивание осталось её любимым занятием и отдыхом от государственных дел.

А что же Фердинанд? А Фердинанд без Изабеллы вряд ли бы так прочно остался в исторической памяти, ибо был обычным европейским королём своего времени с полным набором всех присутствующих качеств и абсолютно предсказуемых совершаемых действий. Ведь его деятельность в качестве короля Арагона мало кого интересует. Но в качестве соправителя Изабеллы...

Один из летописцев утверждает, что уже в момент знакомства между будущими супругами вспыхнула страстная любовь, и у меня лично нет оснований этому не верить. Иначе набожная и богобоязненная Изабелла никогда не пошла бы на брак без благословения Вати-

кана. Впрочем, ей к этому моменту было всего лишь восемнадцать лет, а Фердинанду – на год меньше.

Сохранилось свидетельство о поступке Изабеллы, отказавшейся следовать монаршему протоколу: Фердинанд при встрече обязан был поклониться и поцеловать кастильской принцессе руку, демонстрируя подчиненное положение Арагона. «Мы равные, – решила она для себя, – и встретимся как равные, пусть это будет счастливым началом нашего союза».

Равенство стало девизом молодой четы, воплотившись в знаменитое «*Tanto Monta, Monta Tanto, Ferdinand como Isabel, Isabel como Fernando*» («Один так же важен как и другой, Фердинанд для Изабеллы, Изабелла для Фердинанда»)

Выбрав друг другу эмблемы по первым буквам своих имен, они создали новый герб, объединивший символику Кастилии и Арагона, и герб этот получит новорожденная Испания.

Кроме того, вся жизнь Фердинанда и Изабеллы подтверждает существование между ними глубокой взаимной привязанности. Когда Фернандо случится быть в отъезде, Изабелла станет утешать себя, надевая ожерелье с его эмблемой – пучком стрел (*flechas*). Среди драгоценностей, принадлежавших королеве, были две особо ей дорогих: рубин и жемчужное ожерелье, подаренные Фердинандом еще до венчания.

Видимо, подарок этот был Изабелле очень дорог, так как она мягко уходила от укоров своего духовника, требовавшего сдержанности в одежде, и эти два знака внимания ее возлюбленного были с ней неизменно, до момента, когда она подарит их невесте сына, Маргарите Австрийской.

Начало её с Фердинандом царствования ознаменовалось бурными событиями, в которых молодожены сразу «показали характер». Война с Португалией, претендовавшей на трон Кастилии, была выиграна молодыми супругами совместно, а подданные, принявшие сторону португальцев, помилованы. Укрошено без кровопролития восстание в Сеговии, куда Изабелла не побоялась отправиться лично переговорить с мятежниками. Счастливо избежала она и последствий нескольких заговоров.

Вот как рассказывал об одном из них, произошедшем в Сеговии Рафаэль Сабатини:

«...Во время войны с Португалией католические сюзерены поручили свою старшую дочь, принцессу Изабеллу, заботам Андреса де Кабрера – сенешаля замка в Сеговии – и его жены, Беатрис де Бобадилья. Кабрера, человек требовательный и беспристрастный, в свое время сместил с должности лейтенанта Алонсо Мальдонадо, заменив его братом своей жены Педро де Бобадилья. Мальдонадо устроил заговор, чтобы отомстить за себя. Он испросил у Бобадильи разрешения забрать несколько каменных глыб из замка под предлогом, что они требуются ему для его собственного дома, и послал несколько своих людей, чтобы вывезти их. Эти люди, спрятав под одеждой оружие, проникли в замок, зарезали часового и пленили самого Бобадилью, тогда как Мальдонадо с остальными своими людьми захватил замок. Обитатели, услышав шум, бежали в крепостную башню вместе с инфантой, которой к тому времени исполнилось пять лет. Укрепившись там, они отразили натиск Мальдонадо. Наткнувшись на эту преграду, мятежник приказал выставить Бобадилью вперед и пригрозил осажденным, что, если они не сдадутся, он тут же казнит пленного.

На эту угрозу Кабрера твердо ответил, что ни в коем случае не откроет ворота перед бунтовщиками.

Тем временем к замку стекло множество горожан, встревоженных шумом и на всякий случай вооружившихся. Им Мальдонадо искусно внушил, что ради защиты их интересов выступил против невыносимой тирании губернатора Кабреры, и призвал рука об руку с ним отстаивать свободу и завершить столь превосходно начатое дело. Простой народ по большей части принял его сторону, и Сеговия оказалась в состоянии настоящей войны. На улицах шли непрерывные сражения, и вскоре ворота самого города оказались в руках повстанцев.

Считается, что сама Беатрис де Бобадилья, выбравшись неузнанной из замка, ускользнула из Сеговии и принесла королеве весть о случившемся и вытекающей отсюда опасности для ее дочери.

Услыхав об этом, Изабелла немедленно бросилась в Сеговию. Лидеры мятежа, узнав о ее появлении, не посмели зайти в неповиновении так далеко, чтобы закрыть перед ней ворота. Тем не менее, у них достало дерзости выехать ей навстречу и попытаться воспрепятствовать въезду ее свиты. Советники королевы, видя настроение толпы, убеждали ее быть осмотрительной и уступить их требованиям. Но ее гордость только вспыхнула от этого осторожного совета.

– Помните, – воскликнула она, – что я – королева Кастилии, что этот город – мой, что никаких условий не может быть для моего въезда в него. Я въеду, и со мной – все те, кого я считаю необходимым видеть возле себя.

С этими словами Изабелла послала эскорт вперед и въехала в город через ворота, захваченные ее сторонниками, а затем прорвалась к замку.

Туда стеклась разъяренная толпа: она напирала на ворота, пытаясь ворваться внутрь.

Королева, не обращая внимания на увещевания кардинала испанского и графа Бенаvente, находившихся вместе с ней, приказала распахнуть ворота и пропустить всех, сколько могло вместиться. Народ вливался во внутренний двор замка, шумно требуя выдать сенешала. Навстречу вышла хрупкая прекрасная юная королева, одинокая и бесстрашная, и, когда наступила изумленная тишина, спокойно обратилась к толпе:

– Чего вы хотите, люди Сеговии?

Покоренные ее чистотой, охваченные благоговением перед ее величием, они забыли свой гнев. Уже смиренные, жители высказали жалобы на Кабреру, обвиняя его в притеснениях и прося Изабеллу о смещении губернатора.

Королева немедленно пообещала удовлетворить эту просьбу, что привело к резкому повороту событий: из толпы, всю несколько минут назад изрыгавшей угрозы и проклятия, теперь раздавались крики приветствий.

Она приказала направить к ней представителей, которые изложили бы причины недовольства правлением Кабреры, и возвратиться к своим домам и трудам, предоставив ей судить администрацию.

Когда Изабелла ознакомилась с выдвинутыми против Кабреры обвинениями и убедилась в их беспочвенности, она объявила о его невиновности и восстановила в должности, а побежденный народ смиренно подчинился ее постановлению...»

Разумеется, Фердинанд сыграл заметную роль в истории Испании, но его сложно как-то выделить. А вот Изабелла, хотя и была менее активна Фердинанда, по потенциалу превосходила его. Ее решения, которые она принимала в течение жизни, мудры и проницательны. Она всегда умела добиться своего, безусловно, как политик, она была выше Фердинанда.

И Святую Инквизицию создала королева Изабелла; Фердинанда религиозные проблемы вообще мало интересовали. Более того, она (формально – вместе с супругом) возглавила эту структуру. Инквизиция Испании находилась в подчинении королевской четы, а вовсе не Папы римского – факт, который вряд ли можно оспорить.

Сложнее, хотя и необходимо, оспаривать другой факт: роль великих инквизиторов (и духовников королевы), чья деятельность пришлась на царствование Фердинанда и Изабеллы, Томаса де Торквемада и Хименеса де Сиснерос.

Вопреки общераспространенному мнению, они не были мрачными затворниками, «жаждущими крови невинных жертв», а вполне адекватными публичными людьми, ближайшими советниками и соратниками испанских монархов. И не мракобесием они славились, а государственным мышлением и покровительством наукам!

Существует книга «История испанской Инквизиции», написанная в начале XIX века секретарем Инквизиции Хуаном-Антонио Льоренте. После ее написания и издания автор долгие годы был вынужден жить в изгнании во Франции, хотя, помимо всего прочего, дон Хуан-Антонио камня на камне не оставляет о мифе о зверствах и беспределе испанской инквизиции – мифе, прочно вбитом нам в головы со школьных времен.

Оказывается, Инквизиция никогда никого не сжигала (этим занимались светские власти), не преследовала науку, а мирно сосуществовала с университетами, активно отстаивая собственные догмы в научных диспутах, не охотилась на ведьм, а преследовала преимущественно марранов (выкрестов, тайно сохранявших веру в иудаизм). Может быть, именно из-за последнего обстоятельства Инквизиция и была демонизирована в истории.

Главное же – Инквизиция никогда не убивала «10—12 миллионов людей в Европе». Это общее количество людей, погибших на кострах и в застенках по всей Европе, прежде всего, в протестантских странах. А в Испании с 1550 по 1800 год по приговорам испанской Инквизиции было казнено 3—4 тысячи человек. Как говорится, почувствуйте разницу.

Так называемые «зверства» испанской Инквизиции – ничто по сравнению с общепринятыми по тем суровым временам истязаниями, практиковавшимися светскими властями Германии, Франции и особенно Англии, чьи правители не без извращенного удовольствия проливали кровь сначала соотечественников, а затем и всех поработанных ими наций.

Испанской Инквизицией допускалось только три вида пыток – веревкой, водой и огнем. У британских «носителей свободы» фантазия была куда богаче: они частенько практиковали такие «спортивные» развлечения, как придавливание живого человека каменной плитой и втыкание в задний проход раскаленного железного прута, кончик которого должен был выйти через рот. О сожжении монастырей вместе с монахами можно даже не упоминать – это также общеизвестно, как практически поголовное истребление индейских племен в Новом Свете.

Не во всем Новом Свете, а только в северной его части. Что касается «зверств испанской Инквизиции» в Латинской Америке, то там после бандитских набегов Кортеса убийств местного населения практически не было. Испанские (и португальские) завоеватели ассимилировались за прошедшие века с местным населением, мирно принявшим католичество, и создали новую цивилизацию. Как выглядит сегодня группа *latinos*, думаю, объяснять не надо.

Изабелла была сторонницей национализации, которая при ней, собственно, и началась. Высшие посты оказались навсегда недоступными для иностранцев. Канули в лету времена, когда финансами в Испании занимались евреи или мусульмане: перед ними было поставлено условие – либо принять христианство, либо покинуть страну. Так потихоньку была сформирована абсолютная власть монарха, а точнее двух монархов.

Свою версию о причине принятия решения об изгнании иноверцев выдвинул известный церковный историк Фра Урсус:

«...Чтобы хоть сколь-нибудь верно судить о тех временах и людях, надо знать обстоятельства, в которых им довелось жить.

Испания была прифронтовым государством! Страна, едва завершившая 800-летнюю эпопею отвоевания своих земель у мавров, едва объединив свои земли в единое государство – оказалось лицом к лицу с новой страшной опасностью: Османской империей.

Вот краткая хроника расширения османского господства:

В 1453 году, после героической двухмесячной обороны, пал Константинополь. Турецкий султан Мехмед II немедленно сделал город своей столицей и объявил себя... римским императором! Этот титул означал, что османы теперь претендуют на власть над всем христианским миром.

В последующие годы его правления турки овладели всем Балканским полуостровом, несмотря на отчаянные попытки венецианцев и Венгерского королевства остановить их экспансию.

В 1480 году (год начала действия испанской инквизиции!) турецкие войска высадились в Италии! Захватив порт Отранто, они двинулись на Рим – и Рим был бы обречен, если бы не неожиданная смерть султана Мехмеда, которая заставила турок отступить...

К началу 16 века под контролем османской Турции было все Восточное Средиземноморье, ближний Восток, северная Африка. Закрытие турками торговых путей на Восток как раз и было одной из основных причин экспедиции Колумба – поиск альтернативных путей в Индию и Китай.

Берберские пираты (которых «крышевали» османы) совершали опустошительные набеги на средиземноморское побережье Испании – а военный флот страны был пока еще в зачаточном состоянии. Существовала реальная опасность высадки турок на территорию королевства – однажды к этому уже было все готово, но турки тогда предпочли атаковать более заманчивую цель – Кипр.

Могло ли в таких условиях испанское правительство смириться с существованием внутри страны «пятой колонны» в лице марранской мафии, враждебно настроенных евреев и мавров? Ведь предстояла борьба не на жизнь, а на смерть, борьба за выживание, за само существование не только независимой христианской Испании, но и за выживание всей западной цивилизации, которой к тому времени еще нечего было противопоставить непрерывно возрастающей османской мощи...»

Последующие события, когда тысячи людей, отказавшихся изменить вере своих отцов, отправились в изгнание практически нищими, не зная, что и где их ждет, теоретически должны были бы перечеркнуть блистательную харизму королевы-воительницы. Но... Изабелла продолжала оставаться легендой, как и ее правление, и ее брак с Фердинандом. Даже еврейские комментаторы той эпохи, считая, что королева допустила трагическую ошибку, называли ее при этом «прекрасной и мудрой идеалисткой».

Не случайно, наверное в католических королей (Los Reyes Católicos) более пятисот лет играют дети в Испании.

В 1492 году закончилась Реконкиста – пал последний халифат на Иберийском полуострове. 2 января кастильские монархи торжественно въехали в Гранаду. В честь окончания многовековой борьбы с «неверными» Ватикан пожаловал Изабелле и Фердинанду титул «Католических королей». Кроме того, в правление Изабеллы и Фердинанда власть монархии смогла подавить сильное влияние знати. Гранды потеряли своё влияние. Кортесы собирались крайне редко, да и ни на что особо не влияли. Церковь также оказалась под властью монархов – католические короли смогли добиться права назначать архиепископов.

Не менее интересны реформы Изабеллы и понимание ею монаршего долга. Например, эффективные финансовая и управленческая реформы, которые дали отдачу сверх ожидания через самое непродолжительное время после их введения. А ведь в начале своего царствования, по рассказам современников, королевская чета была настолько стеснена в средствах, что Изабелла сама штопала мужу одежду, а младшие дети донашивали вещи старших. Как-то не очень вяжется с последующими описаниями иностранцами пышного испанского двора.

Во что писал на эту тему уже цитировавшийся выше Рафаэль Сабатини:

«..Мемуары тех лет сохранили для нас описание ее внешности: стройная двадцатипятилетняя женщина среднего роста, с прекрасными формами и изящной фигурой, зеленовато-голубыми глазами и приветливым, привлекательным лицом, запоминающимся неизменной безмятежностью. В действительности, как говорит нам Пулгар, Изабелла отличалась таким самообладанием, что не только совершенно скрывала вспышки гнева, но даже в детстве могла «прятать свои чувства, не выдавая ни жестом, ни выражением лица страха, кото-

рому подвержены все женщины». Он добавляет, что она была очень щепетильна в отношении одежды и выезда, сдержанна в жестах, остроумна и не лезла за словом в карман, что среди забот правительственных – причем, забот весьма обременительных – она выкроила время для изучения латыни и понимала все, что говорилось в ее присутствии на этом языке.

Хотя Изабелла была католичкой ревностной и весьма милосердной, тем не менее, в своих приговорах она чаще склонялась к наказанию, чем к помилованию. Она внимательно выслушивала советы, но всегда поступала по-своему. Изабелла никогда не отказывалась от выполнения того, что сама пообещала, кроме тех случаев, когда ей приходилось отступить под давлением обстоятельств. Ее упрекали (заодно с супругом) в недостаточной щедрости, потому что, считая королевские наследственные владения существенно уменьшенными из-за раздаривания поместий и замков предыдущими правителями, она всегда была очень осторожна в подобных подарках.

«Король, – обыкновенно говорила Изабелла, – должен заботливо сохранять свои домены, поскольку с утратой оных теряются средства, необходимые для того, чтобы его уважали и любили, и сила, необходимая для того, чтобы боялись».

«...Восстановив порядок в стране, Изабелла уделила должное внимание и двору, активно взявшись за очищение морали, изгоняя отвратительную распущенность, царившую во времена ее брата.

Сама придерживаясь строгого целомудрия, она требовала столь же безгреховного поведения от приближенных к ней женщин и заставила всех знатных дам при дворе подчиниться строжайшему надзору. Искренне любившая короля, Изабелла была известна своей ревностью: стоило ему слишком пристально посмотреть на какую-нибудь даму из ее свиты, Изабелла сразу же находила способ, чтобы удалить ее от двора. Она следила за тем, чтобы прислуживавшим ей пажам давалось хорошее образование – за умением они должны были избежать праздности, которая неизбежно ведет к духовному опустошению и безнравственности.

В конце концов, как указывает Берналдес (Берналдес был священником дворцового прихода до самой смерти королевы. Он оставил достаточно подробное повествование о католических сюзеренах, богатое интересными деталями), королева распространила свои реформы морали на женские монастыри, которые нуждались в этом не меньше двора, и исправила или покарала великую распущенность, поразившую все монашеские ордена.

...Что касается самой Изабеллы, то в чистоте и искренности ее веры нас убеждает событие, последовавшее за сражением при Торо, которое окончательно решило спор о короне в ее пользу: королева босой пришла в церковь, дабы отслужить благодарственный молебен...»

Поразительно, что женщине оказалось под силу без посторонней помощи и в столь короткий срок лишь справедливостью и упорством достичь того, что не удавалось многим мужам и великим королям за многие годы. Но об этом мало кто задумывается, предпочитая распространять полуанекдотические истории о том, что фанатичка Изабелла не мылась годами, соблюдая какие-то невероятные обеты.

Правда же заключается в том, что королева Изабелла в своей жизни дала единственный обет: не менять сорочку, пока над Гранадой не взвьется кастильский флаг. Дни шли за днями. Белоснежное королевское исподнее постепенно ветшало, приобретая серовато-желтый цвет. Этот изысканный оттенок испанцы с тех самых пор именуют «цвет исабель». После взятия города (осада длилась около полугода), королева, естественно, надела белоснежную сорочку, как и обещала.

Мало кому известно и то, что во времена правления Изабеллы и Фердинанда появился новый архитектурный стиль, названный в честь королевы «исабелино», – на редкость светлый для готики.

И еще менее известно то, что набором фигур в современных шахматах мы обязаны королеве Изабелле, точнее, любви к ней ее народа. Средневековые испанцы придумали ферзя, чтобы угодить королеве: появившаяся в ее царствование новая шахматная фигура, характером и независимым поведением была похожа на свой прототип. До этого времени ферзь был «мужской» фигурой. Его называли «аль-ферза», что в переводе с персидского означает «помощник». В то время аль-ферза был слабой фигурой, мог ходить всего на одну клетку, как король. Однако с приходом к власти королевы в 1475 г. испанцы «изменили» пол фигуры. Она стала женщиной, однако продолжала «ходить» всего на одну клетку. Примерно в 1495 года, когда Изабелла стала одной из самых влиятельных королей Европы, ее шахматная фигура получила возможность двигаться по всей доске. В то время шахматы и стали самой популярной игрой на континенте.

В последние годы жизни Изабелла превратилась из легендарной героини в меланхоличную затворницу. Она стала медлительной и угрюмой. Из четырёх её дочерей старшая умерла, младшая была далеко в Англии, третья – в Португалии, четвёртой, Хуане, самой красивой и одухотворённой, вскоре было суждено сойти с ума.

При жизни Изабелла дважды составляла завещание. Так как старшая ее дочь стала королевой Португалии, а потом скончалась, наследником должен был стать инфант Хуан, успевший жениться на принцессе Маргарите Австрийской. Но в возрасте девятнадцати лет он скончался от оспы, не оставив потомства.

Изабелле пришлось изменить завещание и указать в качестве наследницы свою дочь Хуану, которая была выдана замуж за эрцгерцога австрийского Филиппа I Красивого (родного брата Маргариты Австрийской) и жила с ним в Бургундии. Других наследников не было: инфанта Мария после смерти старшей сестры стала супругой овдовевшего португальского короля, а инфанта Екатерина —английского принца Уэльского.

Увы, когда Хуана приехала навестить мать в 1502 году Изабелла заметила в ней признаки умственного расстройства, слухи о котором доходили до неё и ранее. Учитывая это, Изабелла указывала, что если дочь её неспособна будет занимать престол кастильский, то регентом должен быть стать ее отец, к тому времени – король Арагона Фердинанд II. Супруг Хуаны в завещании вообще не упоминался.

Смерть рано пришла к Изабелле, она умерла в возрасте 53 лет в Медина дель Кампо 26 ноября 1504 года. Погребена она была в кафедральном соборе Гранады, в Королевской часовне. Его совсем недавно построили по приказу Католических королей, а принадлежал он францисканскому ордену, приверженцем которого Изабелла была всю свою жизнь.

Завещание её выполнено не было. Регентом стал эрцгерцог Фердинанд, супруг признанной окончательно невменяемой Хуаны. Увы, спустя несколько лет он скоропостижно скончался. Несчастливая королева действительно безумно любила супруга, кроме того, носила под сердцем уже третьего ребёнка, поэтому смерть Филиппа окончательно свела её с ума: Хуана несколько дней не отходила от покойного, не позволяла хоронить его, а затем несколько раз приказывала вскрыть гробницу, чтобы ещё раз взглянуть на истлевающего возлюбленного.

В Кастилии тем временем воцарилась анархия. Король Фердинанд был спешно призван из Арагона, чтобы взять бразды правления в свои руки. Филиппа похоронили. А Хуану в 1509 году по распоряжению отца отправили в замок Тордесильяс под неусыпный надзор.

Её отец умер в 1516 году, после чего управлять и Кастилией, и Арагоном стал старший сын Хуаны Карлос (Карл V, будущий император Священной Римской Империи и главный враг Сулеймана Великолепного, главы Османской империи).

Хуана до самой смерти считалась законной королевой, о низложении её нигде официально не объявлялось. Впрочем, её имя старались не афишировать. После десятков лет убогого затворнического существования, она умерла в возрасте 76 лет.

Годы правления Изабеллы по праву считаются Золотым веком Испании. Во многих отношениях гений основателей испанской монархии ушел вперед на столетия. Успешные результаты их реформ вскоре проявились повсюду: торговые пути удалось очистить от преступников, возникли новые связующие нити дорог, через реки были наведены новые мосты, консульские представители учреждали коммерческие центры, появились испанские консульства во Фландрии, Англии, Франции и Италии.

С бурным развитием морской коммерции и промышленности в каждом городе поднимались новые дома, и городское население быстро увеличивалось. Все говорило о начале замечательной эры – эры возрождения Кастилии. Писатели того времени, поражаясь чудесному преображению страны, в один голос восхваляли славное правление, ознаменовавшее новую судьбу Испании.

«Соблюдение справедливости для каждого во времена этого счастливого царствования стало столь неукоснительным, что все люди – дворяне и рыцари, торговцы и земледельцы, богатые и бедные, господа и слуги – все были довольны в равной степени и единодушно одобряли нововведения...»

Испания периода Grande y Felicísima Armada (Великой Армады) представляла собой кульминацию духовного развития всей европейской цивилизации, самую утонченную форму симбиоза культуры, государственности и религии.

Но на исходе XVI века изысканная и возвышенная Испания столкнулась с доселе неизвестной формой государственности – британской, гордо именовавшей себя «просвещенной монархией». Стоявшая во главе ее еще одна великая королева – Елизавета Английская – сумела сделать свою державу «владычицей морей» на долгие годы, а в Испании для нее не нашлось достойного противника.

Возможно, всего этого не случилось бы, живи Изабелла Кастильская на век позже. Тогда Елизавете Английской досталась бы самая грозная в истории противница, и я не сомневаюсь – Изабелла смогла бы предугадать ходы английской политики и выставить защиту по всем направлениям.

Но история не приемлет сослагательного наклонения, а жизнь, увы, не партия в шахматы, даже если в ней, как и на доске, две королевы.

Роксолана

Книг и фильмов об этой женщине существует уже огромное количество, причем содержание их сплошь и рядом противоречит друг другу. Общее только одно: внешность. Рыжеволосая, с зелеными глазами... красавица по утверждению одних, замухрышка по столь же категорическому уверению других, умница, тупая интриганка, образец целомудрия и бесхитростности, восточная «леди Макбет», невинная жертва, вынужденная обороняться от бесчисленных врагов...

И это все – о единственной жене турецкого султана Сулеймана Великолепного, Хасеки Хюррем Султан, которую европейские дипломаты в своих донесениях упорно называли Роксаланою или Анастасией (реже Александрой) Ла-Росса. Понятно, что метрики ее никто не видел, так что год рождения определяется лишь приблизительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.